

СКАЗКИ
ПТИЦЫ ГАМАЮН

Тайна Подземья

Светлана Гамаюнова

Светлана Гамаюнова

Тайна Подземья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42389318

ISBN 9785449671561

Аннотация

Как и положено начаться сказке – похищают принцессу. Вскоре ее отправляются спасать, но не принцы, а необычная парочка. Эти двое так не похожи друг на друга: ни ростом, ни возрастом, ни уровнем интеллекта, вот только пола они одинакового... на первый взгляд. Искать принцессу им придется не на поверхности земли, а в таинственном мире Подземья, где всё подчинено принципу строжайшего равновесия.

Содержание

Часть 1	5
И что там внизу	5
Прощанье с Рыжей Коровой	9
Начало дороги	13
Семидворье	16
Спуск в неизвестность	28
Учимся не думать	36
Крошечка Хаврошечка. Ее сказка	43
Победа над страхом смерти	50
Кажется, я расту	61
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Тайна Подземья

Светлана Гамаюнова

© Светлана Гамаюнова, 2019

ISBN 978-5-4496-7156-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

И что там внизу

Большая деревянная лестница уходила вниз почти вертикально. Солнце освещало только несколько верхних ступенек, а дальше – темнота. Эта дыра в земле и необходимость спуска в ее недра не вызывали никаких приятных эмоций. Было страшно и тревожно даже заглядывать вглубь провала, не то, что спускаться. Куда нас несет? Может, лучше отказаться от этой затеи, другие-то отказывались?

Взглянула на своего необычного сотоварища по заданию. Стоит, пялится бездумно в эту дыру, и хоть бы что. Неужели ему не страшно? Судя по довольной улыбке, он и не собирается задумываться над серьезностью дела.

Уж чего не ждала от него, так это веселья. Неожиданно Котигорошек подмигнул мне и расхохотался. Хорошо, хоть по плечу не хлопнул, а то я от его утешений и по колено в землю войти могу, да и перелом ключицы обеспечен.

– Не дрейфь, малявка, найдем мы эту Гигантеллу.

Вот его оптимизма мне только не хватало. Молодо-зелено, как говорится. Я рядом с ним казалась себе умудренной опытом старухой. Ему бы только в какие-то приключения встрять, а что дальше будет и как из них выпутываться –

видимо, не имеет значения. Малец, одним словом, думать не привык.

Поправила шапку и сказала строгим голосом:

– Так. Раз без путешествия под землю не обойтись, надо как следует подготовиться, все продумать. А то ты уже готов сигануть, не глядя.

– Ага, прямо сейчас. Чего ждать и раздумывать? Спускаться надо.

– Да уж. Разбежались и прыгаем. Молчи, оболтус, – беззлобно отрезала. – Я думу думать буду. Завтра подготовимся и только тогда сунемся в эту дыру. Не один человек туда спустился и ни один пока не вернулся. Ты хочешь тоже под землей сгинуть?

– Не-а. Може, им там понравилось, и они тама жить остались, – почесав затылок, ответил парень.

– Ага, понравилось, оттого, что там так темно, и холодом из дыры веет. Говорю, прежде чем спускаться, надо подготовиться.

– Так это я не подумал, что подготовиться нужно. Ну, ты и голова!

Не буду обижать парня и говорить вслух, что о нём думаю. «Сила есть – ума не надо», – в очередной раз помыслила я и посмотрела на богатыря-переростка. Умнеть ему и умнеть, учиться и учиться... Вот только времени на выполнение королевской воли у нас в обрез. Принцесса, поди, может под землей и сгинуть, а это как-то не по-человечески – бросить

ее там одну. Жалко как-то, хоть и не знаю я ее. Правда, то, что про нее слышала, особого восторга не вызывало. Непонятно все это. Как можно за месяц вот так взять и превратиться в препротивную девицу? Странно, одним словом. Хотя тут все, что происходит, странно. Есть, о чем подумать.

– Пошли, что ли, искать постоянный двор, ночевать-то где-то надо, – дернула я Котигорошка за штанину.

Выше не очень-то и дотягивалась, так как по пояс ему выросла. Здоровый парнишка, однако.

– Немного денег у нас есть. Поедим, отдохнем и подумаем, что делать.

– Ну, ты думай, я пока этому не научился, – пробасил парень.

– Можно, я буду звать тебя Котя, уж больно Котигорошек долго произносить? – спросила я спутника.

– Ага. Меня мамка так звала, привык к этому имени. Ласковое оно.

Он подхватил свою булаву, и мы пошли искать постоянный двор. Найти его не составило особого труда, все-таки Семидворье стоит на перекрестке семи дорог, народа со всех краев в город много съезжается, все хотят где-то остановиться, вот и построили немало ночлежек и харчевен.

От впечатлений и пережитого за этот день сильно устала, да и есть хотелось, а главное, хотелось обдумать сложившуюся ситуацию. Вот ведь попали! А с другой стороны, что терять-то мне, сироте? Ни родственников, ни кола, ни двора

нет. Ничего своего, кроме котомки со скромными пожитками, не имеется. А выполню задание, так при дворце жить буду. И крыша над головой, и пропитание. Мож, служение какое дадут, если с этим заданием справлюсь. Должна справиться. Неспроста же поверенный короля, а потом и сам король так ко мне присматривались и поисками заняться просили? Король именно попросил, а не приказал. Ему, наверно, виднее, кому это дело по зубам. И понять его можно. Не обычная эта дыра, ее лопатами не закидаешь. Надежда на меня небольшая, и все же усмотрел король во мне что-то. Хотя, как можно надеяться на семилетнего ребенка. Маленькая я на вид совсем, а Котигорошек, хоть большой да сильный, но с первого взгляда видно, что ума в нем пока с гулькинос. Одного его отправлять нельзя, пропадет. Вдвоем оно как-то сподручнее.

Мы сняли комнатки, поужинали и отправились отдыхать. Вернее, отдыхать пошел Котигорошек, а я пошла думать. Что с собой взять? Что завтра будет и как сложится, вернемся ли живыми из подземелья или там останемся? Что за собой оставляю? Кто вспоминать будет, если что? Перед глазами стояло прощание с Рыжей Коровай. Только ей в этом мире и была я дорога. Только она меня и любила. Вспомнит ли она меня, если погибну? Вспомнит, конечно, и жалко ей меня будет, это уж точно. Но с такими мыслями не годится начинать дело. Нам надо выполнить задание и остаться живыми — и точка.

Прощание с Рыжей Коровой

Моя любимая Рыжая Корова. Я помнила каждое ее слово и видела наше расставание как бы со стороны, будто не месяц прошел, а только вчера распрощались. Слышались слова:

– Прощай, Крошечка, ухожу на небо, домой, к Земун, – говорила маленькой белобрысой девочке странная говорящая рыжая корова.

Девочка горько плакала и обнимала ее за шею.

– Но ты не печалься. Буду присматривать за тобой сверху, но помогать так, как помогала, уже не смогу. Видишь ковш на небе? Его еще Малой Медведицей кличут, это обитель Земун. Когда-нибудь, когда научишься в него, как мне в ушко, прыгать, свидимся.

Девочка внимательно смотрела на небо и думала: «Как можно в небесный ковш запрыгнуть?»

– Мы многое можем, только не позволяем себе этого, или думаем, что это невозможно, потому и не получается у нас. Помнишь, я рассказывала тебе о богине Корова Земун, в чьем стаде я паслась? Покровительствует эта богиня нашим землям. И еще Земун помогает путникам, выводит на прямую дорогу заблудившихся. И тебе она поможет в пути. Смотри внимательно на небо. Если увидишь ее силуэт отчетливо – значит, видит тебя Корова Земун и не оставит наедине с бедами в твоих странствиях... Догадываюсь, что

не просто тебе будет, Крошечка, – продолжила Корова напутствие. – Для того, чтобы вырасти и стать нормальной девушкой, найти свое счастье, а главное, понять, в чем оно заключается, надобно будет тебе пройти огонь, воду и медные трубы.

– А что это такое-то: огонь, вода и медные тубы?

– Это испытания такие, для каждого они свои. Поймешь, когда пройдешь.

– Как же я, такая маленькая, одна путешествовать буду? Мне на вид семь, да и сил аккурат по этому возрасту.

– Главное, ум у тебя не семилетней девочки. А силы? Найдешь их. Загляни внутрь себя, там и найдешь. Никому не даются испытания больше его сил, а столько, сколько он сможет вынести. Ты много можешь.

– Коровка, так у меня ни денег, ни одежды, даже обуви путной нет. Как буду босая по дорогам бродить?

– Это не беда. Залезь напоследок ко мне в правое ушко, а вылезь через левое, и будет тебе, во что одеться и обуться.

Так я и сделала. Вылезла из ушка коровы одетая и обутая для дальней дороги, только не как девочка, а как мальчик, даже коса пропала, остались волосы под горшок стриженные. Жалко волосы, красивая коса была. В руки упал узелок со снедью и запасной одеждой, а еще пояс, в котором денежки зашиты были.

Рыжая Корова задумчиво и немного грустно посмотрела на свою любимую воспитанницу, качнула рогами и добавила:

– Смотрю, твои волосы уже растрепал Ветер Перемен. Он наполнил тебя стремлением к неизведанному, и теперь ты полетишь по волнам дорог.

Она опять улыбнулась. Кто бы мог подумать, что коровы умеют улыбаться?

– А сейчас прядки твоих волос шевелит Ветер Надежд, он такой симпатичный мальчишка, и ты ему понравилась. Еще подружись с Ветром Удачи. Пусть дарует частицу удачи и мудрости, они тебе пригодятся. Привязалась я к тебе, моя милая, за эти годы. Верю, что все будет хорошо. Не бойся дороги: если ты ее полюбишь, то и она тебя тоже.

Коровка шумно вздохнула и продолжила:

– Тебе придется во многом разобраться и многое найти.

– Кого или что найти? – поинтересовалась я озабоченно.

– И Кого, и Что. Близких людей, друзей, учителей, смысл жизни, счастье, а главное – себя и свою судьбу.

– А какая она, эта судьба? – тихо перебила я Рыжую Корову и крепче ухватила за ее шею.

Страшно было расставаться. Всю жизнь рядом с ней прожила. Да еще на прощанье коровка так неясно говорила. Речи все туманные, непонятные. Какая-то судьба, искать кого-то или что-то и где-то. Опять же, пройти надо огонь, воду и медные трубы, а что это такое – не говорила. Все намеками. Моторошно, тревожно.

– Судьба? Какая она?

– Да разная, – вздохнула корова. – Каждому своя. Хуже,

когда ее нет — все одно, что жил, что не жил, никакого следа от тебя не останется.

Корова как-то странно захлопала глазами и отвернулась, недолго помолчала, а потом лизнула меня шершавым языком в шею:

— А теперь прощай, Крошечка, свидимся, думаю. Дойдешь до перекрестка семи дорог, там внимательно послушай свое сердце и определись, куда идти и что делать.

Махнула головой и пропала, как и не было ее. Осталась я совсем одна. Посмотрела на дом, в котором последние три года жила, а сожалеть-то и не о чем. Нашла палку, привязала к ней узелок с одеждой и снедью, закинула за плечи и отправилась в путь.

Начало дороги

Я вспомнила, как уходила.

Ночь на дворе, темно. Но не страшно. Ночь для меня – тысячи звезд, из которых люди складывают созвездия, кто, как и что видит. Смотрела на звезды и представляла бегущих по небу героев, таинственных зверей и драконов. Они подмигивали мне, о чем-то шептались между собой. От их присутствия, пусть и высоко в небе, делалось не так одиноко. Казалось, у них со мной, Крошечкой, какая-то общая тайна, о которой никто никогда не узнает. Может быть, они и не имели ко мне никакого отношения, может, так мне только хотелось. Все может быть, и все-таки так ярко они светили, подмигивали и подбадривали меня этой ночью, и в иные тоже.

Темные, еще не покрытые листьями, деревья качались, кивая макушками, а я шла и шла вперед до самого рассвета. Я выросла в лесу. Тринадцать лет жила в чаще с Рыжей Коровой, мне ли не знать лес, мне ли его бояться. Я понимала его шепот, его настроение, слышала его напутствие. Когда солнце взошло, я нашла подходящее место для отдыха за кустами орешника, постелила плащ и прилегла. Догонять меня, ясное дело, никто не станет, кому я нужна, но мало ли кто по дорогам бродит? К ней, к дороге, еще привыкнуть нужно. Вскорости привыкла. Так шла по ней от села к селу. Все

меня за мальчугана малолетнего принимали. Рассказывала правдоподобно-печальную историю, что к родственникам в дальнее село иду, так как один-одинешенек остался. Где подработаю на побегушках, где просто добрые люди покормят. Так и шла все дальше и дальше, куда глаза глядят. Неделю шла, другую, пока совсем далеко от дома не оказалась. Задумывалась иногда: не жалко ли? Нет, не жалко, и возвращаться не хотелось, вот только любимой Рыжей Коровы не хватало, она у меня и нянькой была, и учила меня, и помогала, и защищала. В одночасье все изменилось, и рассчитывать я могла только на себя. Поэтому вперед и только вперед.

Единственное, что смущало, и сильно смущало, так это то, что со мной что-то происходило. Все окрестные собаки вдруг начали ластиться ко мне, а я плакала от умиления, глядя на каждого щенка или огромную мохнатую зверюгу. Собаки стали мне понятнее и часто дороже людей. Я делила с ними мой скромный ужин и даже иногда сама оставалась голодной, так хотелось накормить всех. Другие животные тоже радовали. При виде зайчиков и белочек я затаивала дыхание, преодолевая желание коснуться их шерсти и погладить. Но в отличие от собак, они дикие и не подпускали к себе близко. А собак вертелось рядом много. Иногда за мной бежало до двадцати псов, которые постоянно перегавкивались между собой. Сама понимала, что внимание к животным у меня какое-то чрезмерное, но ничего не могла поде-

лать. Из-за этих свор меня не всегда брали на ночевку. Приходилось устраиваться на ночлег на земле, в окружении теплых собачьих тел. Все бы ничего, только псиной от меня несло за версту, а вода в речках и прудиках была еще холодная, вот я и провонялась вся.

Жалела я не только собак, но их особенно. Думаю, чем беззащитнее существо, тем больше моего внимания оно привлекало: маленькие плачущие детки, тяжело работающие люди, больные старики, убогие нищие. Когда мне на глаза попадался идеально подходящий для жалости объект, душа сжималась от нестерпимой боли, которая и доводила меня до слез. Сделать-то я ничего не могла, вот и рыдала в большую тряпку, которую теперь все время держала под рукой. Непонятные вещи со мной происходили. Знала, что слезами никому не поможешь, но и с собой ничего поделаться не могла. Помогала по силам, но средств уже не хватало, сама часто оставалась голодной, и плакала от невозможности прокормить моих любимцев.

Семидворье

К столице Семидворского королевства, что стояла на перекрестке семи дорог, я пришла, примерно, через месяц после начала своего путешествия. Накануне ночью, перед прибытием, еще спала, как всегда, на голой земле, а утром, приведя себя в более-менее приличный вид – умытая и в чистой одежде – ступила на мощенные улицы. Собак со мной в город не пустили. Ворота охраняли какие-то хмурые стражники, которые не прониклись симпатией к моему сопровождению. Я посмотрела печально на псов – нечем мне их кормить, пора им возвращаться к хозяевам, да и вокруг сел много, люди не злые, возьмут на службу.

В таком большом городе я не бывала никогда. Проходила пару раз через небольшие городки, но такого еще не видела. Да и много ли я вообще видела? Смотрела по сторонам и открывала рот от удивления. Город поразил. Красивый, нарядный, с большими каменными домами, он вызывал восхищение, почтение и боязнь. Как я тут буду находиться? Может, побуду недолго и дальше пойду, хотя Рыжая Корова говорила, что на перекрестке семи дорог меня может что-то ждать и что-то важное может произойти. Что? Она сказала слушать свое сердце, а как это?

Я начала внимательно смотреть по сторонам и вглядываться в спешащих по делам людей. Утром-то мало кто

праздно шатается. Смотрела-смотрела и через некоторое время почувствовала, что в городе что-то не так. Не больно-то я и разбиралась в городской жизни, и такое количество людей видела впервые, но поняла, что печаль и тревога так и витают в воздухе. В глазах многих прохожих проглядывала грусть. Почти никто не улыбался, хотя весеннее утро сияло ярким солнышком. Цвели яблони, жужжали пчелы, а на хмурых лицах людей застыли тревога и забота.

«Странно это. Если некоторые грустят – это нормально, но тут грустят почти все. Может, пожар случился или, хуже того, мор какой начался? Надо разобраться», – размышляла я, бодро топая по мостовой. Просто так с расспросами приставать к прохожим не хотелось. Решила направиться на главную площадь – вдруг там что прояснится?

Большие дороги всегда ведут на площадь, это даже я знала, а там всегда есть люди, которые прогуливаются и разговаривают между собой. Можно возле них покрутиться, они не обратят внимания на мальчонку, шмыгающего под ногами.

Довольно долго добиралась до площади, город-то маленький, и, наконец, пришла. Опять открыла рот: как красиво! И людей, людей-то вокруг! Одеты опрятно, но не празднично.

Часть площади занимали торговые ряды, а часть явно предназначалась для гуляний и каких-то собраний. Мелькнула мысль: «Наверно, тут и указы королевские зачитывают.

Вот бы посмотреть на настоящего короля хотя бы издалека. Интересно. Да и узнать надо, что же произошло в городе, не опасно ли тут находиться».

Услышала разговор, что в двенадцать часов будет очередное оповещение, но мужчины, обсуждающие это, куда-то спешили и быстро растворились в толпе, а я так и не поняла, о чем это они говорили. Какое оповещение? О чем?

На самом большом и красивом доме на площади висели часы. Я уже знала, что это такое, и поняла: до двенадцати еще много времени. «Надо бы побольше обо всем узнать», – решила и потопала дальше.

Прогуливаюсь, значит, по площади, глазею по сторонам и вдруг вижу: стоит возле столба детина, да такой огромный, что аж страшно. Возле ноги у него булава приткнулась, такого размера, что и втроем не поднимешь. Люди на него странно поглядывают, стороной обходят – побаиваются, видать. А он тоже, похоже, пришлый, не местный, не знает, что тут происходит и что ему делать. Стоит, как пень на полянке, с ноги на ногу переминается. Пригляделась, а лицо у него не злобное, простецкое лицо такое, хоть и симпатичное: нос вздернутый, чуб белобрысый кучерявый, глаза голубые, не прищуренные. На все удивленно смотрит, а к кому обратиться – не знает. Я к нему подошла, стала не так, чтобы близко, и смотрю, как он себя вести будет. Фигура-то заметная, такого здорового и не сыщешь нигде больше. Стою, смотрю. А он меня тоже увидел и как-то так смущенно го-

ворит:

– Пацан, ты местный али как?

Ага, видать, не шибко наблюдательный, будут местные с котомками ходить да людей по сторонам разглядывать. Спросил это так беззлобно, даже растерянно, что мне этого увальня жалко стало. Подошла к нему смелее и смотрю, но на вопрос не отвечаю, жду, как отреагирует.

Парень, наконец, сообразил и опять спрашивает, тише уже:

– Ты, видать, тоже не местный? Может, скажешь, что тут происходит?

Поняла, что бояться его нечего, еще ближе подошла.

– Нет, не местный я, путешествую. Вот только пришел в Семидворье, и что происходит тут – понятия не имею.

Богатырь вздохнул с облегчением.

– Ты хоть и маленький, но с тобой разговаривать можно, не боишься меня сильно, а то эти, вокруг, смотрят так, как будто я у них кусок хлеба украл или пришибить решил.

– Так ты вон какой большой да сердитый, вот и обходят тебя стороной.

– Я сердитый? – удивился парень. – Да не здешний я, сам не знаю, как ступить и слово молвить. Я их не боюсь, конечно, – и он выпятил грудь, – но опасаясь. Вдруг скажут, что смутительное, а я и ответить не смогу.

Тут я про него все поняла. Нечего его бояться, он сам себя тут как рыба на суше чувствует. Не обидит, значит.

– Откуда ты и пошто сюда пришел? – поинтересовалась так невзначай.

– Да из дальней деревни Зацепетовки. Хочу на службу к королю поступить, силы во мне играют, наружу просят-ся, девать их некуда. Деревенские меня зашпыняли. Из села, можно сказать, выжили. Не нравлюсь я им. Что ни делаю – все не так.

Тут мне интересно стало: что же он не так делает?

– Что же последнее ты совершил, что односельчане осерчали?

– Так попросили помочь рыбу ловить, сети поддержать надо было, а я сеть между берегами повесил, колокол снял и стал воду черпать да через сеть процеживать. Рыба попадалась, и неплохая. Только старосте сильно это не понравилось. Я ему обещал колокол на место поставить, а он кричать стал, что сила у меня дурацкая и не от Бога, и не место мне в селе, пусть, мол, матушка меня на службу к государю отправляет. Может, там толк будет. Вот я и пошел.

Я прыснула в кулачок. Ну, парень, что-то ты больно прост не по размеру. Вон какой вымахал, а мозгов не нажил.

– И как матушка тебя отпустила?

– Ой, убивалась сильно. Все причитала, что маленький я и несмышленный совсем, как промеж людей жить буду? Но односельчане порешили, что на службе у короля я быстрее поумнею, чем возле мамкиного подола.

– Это ты-то маленький? Сколько годков тебе, верзилуш-

ка?

– Да шесть в прошлом месяце исполнилось, – смущенно так проговорил парень.

Я так и ахнула.

– Как же ты таким здоровым вырос? Кто родители-то у тебя?

– Матушку только и знаю. Она горох убирала, одна горошинка бойкая покатилась да скакать стала. Матушке это не понравилось, поймала она ее и съела, а потом я родился, и расти стал не по дням, а по часам, вот такой и вырос. Кстати, меня Котигорошком кличут.

Я рот только и успела прикрыть от удивления. Вырасти вырос, а ума не успел набраться. Стоим мы с ним, значит, в чужом городе: здоровенный Котигорошек с умом шестилетнего мальчонки и я – маленькая на вид, но ума у меня, как мне кажется, хватает. Вот так пара. Обхохочешься.

– И давно стоишь? – спросила я. – И что дальше делать будешь?

– Честно – робею я, много их вокруг слишком, да все сердитые да озабоченные, снуют, не знаю к кому обратиться, чтобы на службу к королю попасть.

– Разберемся, не переживай. Вот в двенадцать часов какое-то оглашение будет произноситься, может, прояснится что. Уже недолго ждать.

Котигорошек с уважением глянул на меня и попросил:

– Ты хоть и маленький, а головастый, видать, давай вместе

держаться будем.

Вскоре, действительно, из дома, что с часами, появился какой-то разодетый господин, поднял руку и стал читать:

– Уважаемые жители и приезжие города Семидворья! Все вы знаете, что случилась беда. Околдовал хитрый колдун нашу принцессу и увел в дыру под землю, что образовалась во дворе дворца. Воля короля такова: кто вернет принцессу – женится на ней, получит пуд золота и будет принцем-консортом до скончания жизни.

Люди загомонили, зашумели. Из разноголосицы поняла, что ничего нового выступающий не произнес. Кто-то выкрикнул из толпы:

– Многие уже спускались в ту дыру, да только назад не возвращались!

Потому все потупили глаза. Никто становиться зятем короля не спешил.

Зато Котигорошек вдруг встрепнулся, схватил меня за руку и стал пробираться к дому с часами.

– Малец, это по мне – королевским зятем стать, – вдруг сказал он.

– Ты что? – зашипела я. – Тебе же всего шесть лет, у тебя что, женилка уже выросла?

– Ты шутишь? У меня все, как у взрослого парня, веришь? И на подвиги меня тянет.

– На какие подвиги? – не поняла я.

– Как, на какие? Принцессу спасти, с колдуном биться.

Он перекинул булаву, как игрушку, на другое плечо и стал пробираться сквозь толпу, а я хвостом за ним следовала. Толпа расступилась, и мы оказались прямоком перед чтецом. Он сразу сообразил, что мы и есть те герои, или, как нас лучше назвать, олухи царя небесного, что принцессу спасать решились. Других желающих не наблюдалось. Схватил чтец за руку только меня, Котигорошка, видать, побоялся, открыл дверь и потащил в дом.

Внутри домишко выглядел красиво – не дворец, но нарядно обставленный. Зашли в одну из комнат, а там, на стуле, пригорюнясь, мужик разодетый сидит. Чтец к нему с поклоном:

– Ваше Величество, вот, добровольцев-героев привел.

Тут я сообразила, что перед нами король. Только не больно величаво он выглядел – не выпавшийся и понурый совсем. Но, увидев Котигорошка с такой внушительной булавой, приободрился и спросил:

– Это вы герои, что спуститься и спасти принцессу не боитесь?

Котигорошек ударил себя в грудь:

– Мы.

Я его за штанину дергаю: я, вроде как, в герои не записывалась.

А потом король стал пристально так смотреть на меня и говорит:

– Не знаю я тебя, мальчик, но понимаю, что и дело это тебе

не по душе, и не нужна тебе принцесса совершенно, и принцем-консортом ты быть не хочешь, но что-то подсказывает, что без тебя богатырь этот с делом не справится. Прошу пойти с ним. Награжу тебя. Будешь на службе у меня в почете и достатке жить.

Посмотрел пристально:

– Маленький ты, незнакомый, а как будто родной мне, – и король вздохнул тяжело.

Котигорошек после его слов как гаркнет:

– Рад служить королю и принцессе! Не посрамлю государя-батюшку! Голову сложу во славу государеву!

Король поморщился, встал на стульчик – просто так не доставал – и похлопал его по плечу.

– Ты лучше с головой назад вернись, да принцессу из подземелья вызволи. Вижу, что молодец. Старайся, богатырь, старайся.

А я похлопала глазами и спросила:

– Вы, государь, расскажите нам, что случилось. Мы люди пришлые, попали в город сегодня, не знаем ничего о вашей беде.

– Да что рассказывать, все просто. Месяц назад с принцессой, моей, на данный момент, единственной и любимой дочкой, стало происходить что-то непонятное. Вдруг она всех ненавидеть стала. Как ведьма злая на всех кидается, слуг бьет, в собак камнями бросает, кошек за хвост тягает, зоопарк свой уничтожить собралась, еле успели его в другое

место перевезти. Наказаний жестоких за малейшую провинность требовала. Слуги ее как огня боялись. Девушка она у меня здоровая, ее все Гигантеллой кликали, ростом вышла чуть меньше этого юноши, несмотря на свои шестнадцать лет. Совсем сладу с ней не стало. Дворец как вымер, все опасались ей на глаза показываться. Я и сам ее сторониться начал. Непонятно, что ей в голову взбредет. А тут, три дня назад, прямо посреди королевского газона, проваливается земля и образуется дыра огромная да глубокая. Принцесса в это время пошла гулять, а возле дыры стоял мужик в капюшоне – видать, колдун. Он схватил ее и сиганул в эту самую дыру. Только их и видели. Посылал я туда солдат, никто не вернулся. Теперь добровольцев ищем на подвиг: в дыру спуститься и принцессу спасти, вызволить. Вот вы откликнулись на нашу нужду, можете прямо сейчас и отправляться. Пойдемте к дыре, дорогу покажу.

Котигорошек сразу возликовал, булаву подхватил, прямо так и готов с разбегу за принцессой прыгать.

Я дернула Котигорошка за штанину.

– Ваше Величество, мы проделаем это завтра с утра. Перед таким ответственным делом надо подумать, собраться и отдохнуть. Не могли бы вы выделить нам некоторые средства на подготовку к спуску? Под землей может быть холодно и темно. И провизией обзавестись нужно. Может, принцесса там оголодала за это время.

Король и его поверенный усмехнулись и вскоре у меня,

а не у Котигорошка, в руках оказался мешочек с деньгами.

– Если есть какие-то вопросы, – уточнил король, – спрашивайте.

– А она красивая? – спросил Котигорошек.

– Очень!.. А если бы она была некрасивой, вы не отправились ее спасать? Она красивая, только слишком высокая и полноватая, может, лишку, – усмехнулся король. – И умная. И отзывчивой девушкой росла. А вот что с ней случилось – непонятно. Думаю, перемены связаны с ее исчезновением. Что вам, собственно, и придется выяснить.

– А она чем-то особенным, необычным занималась в последнее время? – спросила я.

– Для маленького мальчика ты удивительно проницателен. Нет, она просто изменилась. Стала злой и совершенно невменяемой. Но ничего не изучала, и не интересовалась необычными вещами. Ее прыжок в дыру был для всех совершенно неожиданным, как и само появление этой дыры.

– Еще один вопрос. Кто-то из ваших советников знает или предполагает, что это за дыра?

– Никто точно не знает, откуда она и что собой представляет. Одни лишь догадки. Старший мудрец предполагает, что это вход в другой мир, не такой, как наш. Ну, что-то в этом роде.

– Имеете в виду мир с другими возможностями? – спросила я.

– Кто знает, какие это возможности и есть ли они там.

Просто другой мир. А может, это и не мир, а жуткое подземье.

– Последний вопрос. Что чувствует ваше отцовское сердце? Она жива?

– Ты задаешь удивительно умные вопросы, дитя, – подозрительно посмотрел на меня король. – Может, взять тебя советником? – За все время король только сейчас улыбнулся. – Да, я чувствую, что она жива, и не чувствую, что ей там плохо. Но я могу ошибаться. Как, впрочем, уже один раз сильно ошибся, надеясь найти свою вторую дочь. А теперь у меня нет ни одной. Вот так.

Король кривенько так усмехнулся. Хорошо, хоть не заплакался – негоже королям плакать. И умеют ли они это?

– Я надеюсь на вас, герои, – бодро произнес он.

Потом резко развернулся и удалился, стараясь держать спину прямо.

Спуск в неизвестность

Утром мы запаслись достаточным количеством воды и провизии. Котигорошек мог унести немало. Купили теплые вещи, веревки, некоторые предметы быта и приготовились к спуску.

Черный провал пугал и манил одновременно. Зачем принцесса в него прыгала, если здесь есть лестница? Знала, что не глубоко и не боялась сломать шею? Или ее толкнул колдун? Я лично не собираюсь проверять на себе, как там глубоко. Есть лестница – уже хорошо. Не люблю лишние сложности придумывать.

Первым начал спускаться Котигорошек. Неприятно было спиной к возможному врагу оказаться, но по стремянке по-другому спуститься не получится. Проблема возникла с булавой: как ее по стремянке-то спускать? Тяжелая, я ее и с места сдвинуть не могла. Бросить вниз тоже неправильно – вдруг понадобится? Кто ж его знает, что там внизу. Кое-как к поясу приспособили. К началу лестницы привязали веревку, Котигорошек за нее дернул, сообщая, что до твердой поверхности добрался, и я начала спускаться, а потом и провизию спустили.

Сошествие вышло неспешное, но оказались мы с Котей на дне, а может, и не на дне, а на чем-то еще этой самой ямы. Огляделись. Странно – даже не темно. Свет какой-то рассе-

янный, мертвецов не видно, и вообще никого не видно – ни принцессы, ни солдат. И пусто вокруг, только столб стоит с надписью: «Направо пойдешь – принцессу не найдешь, налево пойдешь – себя не найдешь, прямо вообще дороги нет».

– Что там написано? – полюбопытствовал Котигорошек.

– Ты что, и читать не умеешь? – удивилась я.

Парень шмыгнул носом.

– Не-а. Матушка научала, но я только буквы запомнил, а читать даже по складам пока не научился.

Вздохнула. Что поделаешь, не все в его возрасте и буквы знают. Рассказала, что написано, и призналась, что ничего особо не понимаю и куда лучше идти – не знаю. Вроде бы, как можно предположить, что идти нам следует налево, не себя же мы искать отправились, да и что значит – себя искать?

– Маманька, когда меня воспитывала, часто приговаривала: когда вырастешь, не ходи налево, это плохо, ну и разное другое правильное говорила. Но что значит это «налево» – не рассказывала. Может, и сейчас туда не следует идти?

– Что твоя матушка под «налево» подразумевала, не знаю, но как мы принцессу найдем, если тут четко сказано, что направо пойдешь – принцессу не найдешь? Наверно, придется идти в это самое «налево». Есть другие мысли?

– Мыслей у меня вообще мало, а сейчас особенно, – признался Котигорошек. – Они сначала как бы приходят в голову, а потом, никого не застав там, уходят. Так мне матушка

говорила.

– Умная у тебя матушка. Ее бы к нам сюда, мы быстро вопрос решили бы. Все, идем налево. Решено. Бери свою булаву, пропитание и идем. Может, что и найдем.

Хорошо, что светло, правда, откуда свет – неясно. Он как будто просто существовал, как и все вокруг, непонятное и таинственное.

Шли мы, шли. Немного погода вдоль дороги стали появляться кустарнички, серо-зеленая травка и небольшие деревца непонятной породы. Наконец, вдалеке привиделось нам как будто озерцо, и мы прибавили шаг. Мучила жажда, да и отдохнуть хотелось на берегу.

Почти пришли и собрались расслабиться, как откуда ни возьмись, прямо перед нами возник дракон трехголовый. Смотрит на нас, из ноздрей пар валит, глаза прищурил, что думает – непонятно. Наверное, решает, с кого начать обед: я маленькая, не наешься, а Котигорошек слишком большой, им и подавиться можно.

Вдруг Котигорошек, недолго думая, бросил наши пожитки, поднял булаву и кинулся на дракона, крича что-то воинственное. Дракон, как мне показалось, немного удивился, но нападать не спешил, но когда первой головы лишился, тоже начал наступать на Котю. Однако даже без одной головы дракон сражался хорошо. Рубашка на Коте изодралась, местами прожглась огнем драконовым. Бились они долго, часа два, а может, и три, не следила я за временем. Ударит Коти-

горошек булавой – у змея лапы по колено в землю уходят, ударит змей – и Котигорошек в землю по колено зарывается. Так они весь берег перековыряли. Надоело мне на это смотреть, и я как закричу во все свое маленькое горло:

– Гражданин дракон и ты, Котигорошек, стойте и объясните, пошто вы бьетесь?

Бойцы опешили и перестали друг друга колотить.

Тут дракон и говорит:

– Он первый драться начал. Вы сюда сами пожаловали и драться начали. А я живу тут. А что вы, собственно, хотели?

– Да мы водички испить и переночевать на бережке хотели, а тут ты.

– Ну и пили бы, кто мешал?

– Так ты на нас смотрел хищно, съесть, поди, собирался, – опешил от его слов Котигорошек. – Ты же дракон.

– Ну и что? Не все, что видишь, истинное. Запомни: в этом мире реальность и видимость реальности легко перепутать можно. Я вообще не хищник, травой питаюсь. Травоядный то бишь.

Он хмуро посмотрел на Котигорошка.

– Это ты меня первый головы лишил, попробуй ее теперь прирастить. Она мало того, что в лепешку, так и мозг в ней, поди, весь сотрется. А как я с таким мозгом думать буду? Да и лапы у меня сейчас дрожат. Как такими голову к шее пристраивать?

– Уважаемый, – не растерялась я, – мы сейчас вам голову приставить попробуем, чего время терять. А что в ней мозг сотрясся, так и у Котигорошка мозг, поди, тоже того, вон ты его как по голове шарахал.

– Нечему там сотрясаться, – хмуро сказал Котя, – со мной все нормально. Ну, размялись малость, бережок потоптали. Ошибочка с тобой, дракон, вышла, с кем не бывает. Ты, трех-головый, силен. Уважаю.

– И я тебя уважаю, – добродушно ответил дракон.

После соединения головы с шеей они мирно уселись на берегу, обнялись по-братски и стали обсуждать что-то свое, богатырское. Может, про достоинства булавы беседовали.

Я попила, поела и в сон клонить стало. Но вопрос, куда дальше путь держать, меня все-таки волновал больше, чем вопрос преимущества булавы перед палахом. Поэтому встряла в мужской разговор и принялась приставать с вопросами, не видел ли дракон принцессу.

– Да была тут девица – здоровая, толстая да злющая. Меня за хвост дернула и на лапу наступила, хотя учитель сказал ей, что я не опасный.

– А кто этот учитель и что он тут делает?

– Да кто его знает. Учителей у нас множество на каждом уровне. Поди, каждый второй обитатель нашего мира учитель. Одни учат, как правильно жить. Другие учат, как неправильно жить. Некоторые учат, что и не надо жить вообще, а надо стремиться к нирване или чему-то там такому. Вы

с ними еще встретитесь. Говорю, это мир всеобщего ученья.

– А чему принцессу учить собирались? – спросила я.

Обстановка пока не очень прояснялась.

– Вот этого я и не понял. Принцесса, кажется, учиться ничему не хотела, а учитель сердился и в сердцах сказал: «Не выберешься из этого мира до тех пор, пока не научишься любить всем сердцем». А как она может это сделать, если такая злющая?

– А где нам ее искать-то? – спросила я.

– Да где угодно она может быть. Может, в полуметре, а может, за тридевять земель. У нас нет разницы в расстоянии – далеко ли, близко, да и во времени – давно ли, недавно.

– А у «вкусно-невкусно» разница имеется? – переспросил Котигорошек, обгладывая куриную лапку. – Мне так хочется, чтобы разница в этом существовала.

Дракон закидывал в себя морковку, по очереди в каждую пасть, периодически потирая лоб каждой головы.

– Ох, болят головушки, – пожаловался дракон. – В «болит-не болит» разница тоже имеется. У меня вот болит, а у кого-то нет, – и покосился на Котигорошка с восхищением. – В том, что кому значимо, разница и имеется. «Любить-не любить», видать, для того учителя значимая характеристика. Раз он ее принцессе предъявил в качестве того, что она должна добиться в процессе обучения.

– А кого она должна полюбить в процессе этого обучения, ты не понял? – спросила я дракона.

– А кто их знает, этих учителей. Может – его самого, может – его ученика, может – кого нездешнего, вон, например, Котигорошка. А может, не кого, а что. Овощи какие-нибудь, например, или идею мудреную всеобщего добра, равенства и дружбы во всем мире. Кто их поймет. Не уточнял.

Я засмеялась.

– Представляю себе Котю, обнимающегося с Гигантеллой. Тот покосился на меня хмуро и спросил:

– А что, меня нельзя полюбить? Меня знаешь, как мамка любила? Сильно-сильно. Говорила, что я лучший в мире. В макушечку целовала, пока достать могла. А когда покидал родное селенье, чтобы поцеловать, на лавку залезла, я тогда наклонился и обнял ее крепко-крепко, ну, может быть, чересчур крепко, не рассчитал малость. Она потом все за ребра держалась и слезы лила. Печалилась, видать, обо мне. Знаю я, что такое любовь, – и вздохнул, бросив очередную куриновую косточку в кусты.

Мы переночевали на берегу. С удовольствием поговорили с драконом об их мире. На прощание, как галантный кавалер, дракон мне цветочек подарил. Шепнул тихо на ухо:

– Знаю, Крошечка, что не мальчик ты, но чужие секреты – это чужие секреты. Хочешь на мальчика походить – походи. Но как девушке подарю на прощание я тебе цветочек аленький. Положи его за пазуху, он тебя согревать будет, и, может, еще на что сгодится.

Так и не узнав больше ничего про принцессу, мы отпра-

вились по дороге дальше.

По пути рассматривали придорожную растительность. Я все вспоминала дракона. Какой лапочка оказался – общительный, добродушный, цветочек подарил. Цветочек тот как за пазухой кожи коснулся, так и отпечатался на ней. Странный подарок. Но подарков мне давно никто не дарил, приятно. Поняла, что люблю не только собак, но и драконов. Может, и к другим пресмыкающимся присмотреться, чтобы еще кого любить в этом мире? Собак тут не видно, а любить-то кого-то надо. Так сердце любви просит!

Учимся не думать

Долго ли, коротко ли мы шли, но на пути показался домик. Хиленький такой, развалюшечка, но явно жилой. На пороге сидел человек и сосредоточенно смотрел в пространство. Мы подошли ближе и поняли, что он на нас никак не реагирует. Я помахала рукой перед его лицом – может, слепой или вообще слепоглухонемой? Да вроде нет. Вскоро-сти он очнулся и пристально на нас посмотрел, почти так же, как перед этим вдаль глядел.

– Здравствуйте, уважаемый, – вежливо обратилась я.

Но человек молчал, озадаченно нас рассматривая.

– Вы, вероятно, учитель? – спросила я. – Мы вот тут путешествуем с Котигорошком. Ищем кое-кого.

Прежде, чем рассказать о нас и высказать просьбу, я решила побыть учтивой. Слышала, что ученые люди больше любят сами говорить и поучать, чем других слушать. Тем более, это даже интересно – вдруг что-то полезное поведает. Но человек как в рот воды набрал.

– Мы, вероятно, прервали ваши важные размышления. Вы думали о чем-то значительном, может, великом. Если так, простите нас и уделите немного внимания.

Учитель странно дернулся от моих слов и непонятно почему окинул меня сердитым взглядом.

– Я давно научился не думать. Действие – это добро, дума-

ние – порочный круг, который никуда никого не ведет. Поэтому думание надо остановить, но не действие. Когда едите – просто ешьте. Гуляя – просто гуляйте. Когда деретесь – просто деритесь. Думающий никогда не бывает здесь и сейчас, он никогда не в настоящем, он всегда где-то еще. Отрекайтесь от думанья, но не отрекайтесь от действия.

Котигорошек почесал потылицу и воодушевился от этих слов.

– Я тоже делать много чего могу, то бишь действовать. Могу биться, могу не биться. Могу булаву поднять, могу ее опустить. Могу копать, могу не копать. Да много еще чего могу. А в деревне говорили: ты, прежде чем делать, Котигорошек, подумай. Я их спрашивал: как это – думать? А они странно на меня смотрели и говорили, что даже дурак «думкою богатеет», так ты, мол, у нас особый случай. Надо тебе особого учителя найти или служить в армию пойти.

Теперь учитель пришел в восторг и глядел на Котигорошка, не скрывая своей заинтересованности.

– Ты не умеешь думать? – спросил он с любопытством.

Котигорошек немного засмутился, а учитель все больше воодушевлялся.

– Это замечательно, восхитительно. Иди ко мне в ученики. Я считаю, ты достигнешь невероятных высот в постижении истины. Всех своих учеников я с большим трудом учил не думать, а тут такой материал. Почти готовый.

– Я бы пошел, но король нам с Крошечкой поручение дал:

принцессу найти. Я, правда, хотел бы у Вас учиться, но пока не могу.

Тут я не выдержала и встряла, так все было необычно, неслыханно, интересно.

– Вы, наверное, философ?

– Нет, что вы, деточка. Философия – это и есть страна дураков: в ней вы живете в словах, а не в реальности.

– А разве не станешь дураком, если не думать?

– Если вы отречетесь от думания, можно стать бессознательным, а можно дураком. Вы можете начать делать, что попало, потому что не знаете, что делать, но вы не думайте об этом. Чем больше вы говорите и думаете, тем дальше вы уходите прочь от Истины. Прекратите говорить и думать – и не будет ничего, чего бы вы не смогли постичь. Постигнув истину, вы никогда не станете дураком.

Глаза у учителя опять устремились в пространство. Очнувшись, он продолжил:

– Не-думание – это дверь. Бессловесность – это врата. Не-ум – это путь. Ум скажет: «Нет, это кажется трудным, невозможным, как ты можешь остановить думание?», – и вы ушли прочь от Истины. Слушайте ум – и вы никогда не будете рядом с Истиной. Слушайте ум – и вы всегда в путешествии вдали от истины.

Чем дальше говорил учитель, тем больше Котигорошек приосанивался в своей значимости. Курносый нос еще больше задирался вверх и Котя, так же, как и учитель, стал смот-

реть в пространство странным взглядом. Это меня насторожило. Еще, чего доброго, уговорит его тут остаться, а нам задание королевское выполнять надо. Помахала руками перед глазами и того, и другого, чтобы меня заметили, и для перевода темы спросила:

– Уважаемый, а вы тут принцессу с другим учителем не видели? Куда они направились?

– Какой это еще учитель? Так, недоросль. Учит, что жизнь есть любовь и всякие другие глупости. Да любовь надо найти в себе, надо прочувствовать, что она в вас есть. А в той девушке нет любви, как она поймет, что это такое? Если у вас нет любви, тогда вы скажете, что в мире нет любви. Если у вас есть сердце, которое бьется, любя, вы почувствуете это биение везде – в ветре, проносящемся сквозь деревья, в реке, текущей к океану. Вы узрете любовь повсюду. Вы можете ощутить только то, что имеете, ничто другое не может быть прочувствовано.

Он сказал это как-то почти осмысленно, в отличие от других слов, которые, как мне показалось, невозможно принять во внимание и подумать над ними. Вот это «подумать» – так он же говорит, что думать вредно. Все-таки неплохо, что я не училась у него, а то бы совсем запуталась.

– А куда они направлялись, вы не подскажете?

– Куда бы они ни пошли, куда-нибудь да придут. У нас нет направления. Путь – вот направление. Ищите и обрящете это. Запомните, что я вам скажу напоследок, чтобы вы

не потерялись в мире вещей:

*Отрицать или принимать реальность вещей —
это упустить их реальность;
утверждать пустоту вещей —
это снова упустить их реальность.*

*Чем больше вы говорите и думаете об этом,
тем дальше уходите прочь от Истины.*

*Прекратите говорить и думать —
и не будет ничего, чего вы не могли бы постичь и достичь.*

Я немного странно посмотрела на него и вздохнула. Нет, учиться мне, маленькой, и учиться, ничего-то я в этой жизни не понимаю.

Поняв, что я не усвоила произнесенных наставлений, учитель сказал:

– Жаль, что вы не слушаете меня. Наверно, я пришел в этот мир слишком рано, а может, слишком поздно, поэтому возвращаюсь в свое уединение. Знайте: *«Судьба всякой истины сначала быть осмеянной, а потом принятой»*. [1] Меня понимают единицы и те, кажется, понимают неправильно. Мое вам напутствие: *«Постарайтесь получить то, что хотите, или иначе же вы будете вынуждены хотеть то, что получили»*. [2]

После этого он внимательно посмотрел на меня и сказал:
– Тебе, девочка, проще надо быть, проще.

Я ойкнула – вроде хорошо замаскировалась, и никто, кроме дракончика, до этого не признавал во мне девчонку. Как

он увидел? И что Котигорошек подумает, узнав, что я его обманула?

— А как вы догадались? — тихо спросила я.

— Девочка — не мальчик, сразу видно. Тебе расти и расти над собой. Учись у Котигорошка простоте, той исконной, которая не хуже, а лучше воровства. Учись быть собой. Многие считают, что женщины мудрее мужчин, потому что они знают меньше, а понимают больше. Но все относительно. Ты молода, и это уже счастье. *«Лучше быть молодым навозным жуком, чем старой райской птицей»*. [3] Прощайте, я остаюсь в своем уединении.

Учитель вздохнул и опять уставился в пространство, а мы пошли дальше.

— Ты девочка? — стал приставать ко мне Котигорошек.

Он немного удивился, что я сразу не сказала, и даже немного обиделся.

— Чего не призналась? Я девчонок не бью. Матушка наставляла и пугала тем, что я еще их узнаю и пойму когда-нибудь, что *«Женщина слаще жизни и горше смерти»*. А ты не такая уж и женщина, вроде как обыкновенный человек, то есть парень. И ты сообразительная. Мужики из нашей деревни вечно приговаривали: *«У обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной — сколько у двух»*. [4] Может, учитель ошибается, и ты мальчик, только не растешь?

— Нет, я, правда, девчонка, но разве это имеет для тебя

значение?

– И верно, какая мне разница? Расскажи о себе, а то вот оказалось, что я ничего о тебе не знаю.

А что мне скрывать? Жизнь не как у других, так и у Котигорошка тоже она необычная, мы с ним интересная компания. И я начала рассказывать.

Крошечка Хаврошечка. Ее сказка

– Начало моей жизни можно назвать сказочным, – начала я, – потому что выросла в лесу, а как туда попала и откуда на самом деле родом – не знаю. Как только начала себя осознавать и помнить – лет, может, с трех или еще раньше – все в моем детстве связано с лесом, его обитателями и Рыжей Коровой. Она меня и нянчила, и кормила, и воспитывала, и уму-разуму учила. Леший нам помогал, кикиморы и мавки скучать не давали, дружила я с ними, играла и веселилась. Они нам с Рыжей Коровой про все тайны лесные рассказывали, и помереть от голода и холода не давали. Долго думала, что так и должно быть и что другой жизни за пределами леса и не существует. Потом в моей жизни появились сны – странные, нереальные, удивительные. Я видела города, дома, какие-то замки – так называла их по моим описаниям Рыжая Корова. Также слышала разговоры каких-то необыкновенных людей, они мне все диковинными казались, людей-то я и не видывала никогда. Поняла, что другой мир действительно существует. Коровка, когда я ее спросила, откуда у меня такие сны, высказала предположение. Помню ее слова:

– Видимо, Бог единый разговаривает и научает тебя во сне. Ведь известно: когда сон находит на человека, в ночном видении Бог открывает его разум, чтобы наставлять.

Корова после этого начала мне понемногу про другую

жизнь рассказывать: про людей, про богов, про то, что есть добро и зло. А я этого не понимала, да и не хотела понимать, для меня ясно было только то, что можно руками пощупать.

– А как я возле тебя оказалась? – поинтересовалась.

– Так мне Велес, скотий Бог, велел к тебе спуститься и заботиться. И сказал, что воззвала к нему в лесу женщина со словами: «Велес, скотий Бог, верю я, что у тебя золотое сердце, что доброта твоя безгранична. Тебе подчиняются сущности на нашей земле, как ты скажешь им, так и будут делать. Прикажешь – будут холить и лелеять не только скотов бессловесных, но и о девочке этой, крошечке, позаботятся. Помогут ей выжить в лесу, так как тут нет ни одного человека вокруг. Помоги, Велес, дитятке невинному. Не смогла я ее донести до места, куда предназначена она была, заболела в дороге, умираю, а вокруг никого нет. Сжался». Зашумел тогда лес, заволновались кусты и травы, появился перед женщиной огромный медведь. Испугалась женщина, прижала к себе девочку покрепче, хотя и понимала, что защитить ее уже не сможет. Только в этот момент медведь превратился в старика в черной рубахе и белых штанах с посохом с золотым набалдашником и молвил: «Дошла до меня твоя просьба. Спасу девочку. Попрошу матушку Корову Земун послать из своих стад Рыжую Корову, чтобы кормила и заботилась о крошечке, и лесным сущностям прикажу, чтобы приласкали и растили ее до срока. А как к людям она придет, там своя история будет. Как жизнь ее устроится, от нее зависит.

Я пригляжу, если что, но человеческие судьбы – это человеческие судьбы. Уходи спокойно». И женщина умерла.

– Так я здесь появилась и стала тебя кормить да воспитывать. Жители лесные помогли хлев сделать, где мы с тобой сейчас живем и от непогоды да холода спасаемся. Три года ты на молоке моем прожила, затем леший помогал с пропитанием. А потом научилась ты ко мне в ушко лазить и получать оттуда необходимое: и одежду, и другое. Не прост путь в мое ушко, не всем это удастся. Только у того, кто поверит, что все меняется и нет ничего невозможного, и получается. Ты веришь, что можешь влезть в мое ушко – вот и влезаешь, веришь, что получишь то, что тебе надобно, вылезая из другого ушка – и получаешь. Разные реальности в лабиринте миров, разные миры, разные возможности, – многозначительно и совсем мне непонятно сказала Корова. – Печалит меня только то, что не растешь ты почти совсем, Крошечка. Как была махонькая, так и осталась. Потому к тебе приклеилось имя Крошечка, а прозвище уже Мавки придумали – Хаврошечка. Хотя я тебя Феврония назвала, что означает «лучезарная», но уж эти мавки да кикиморы, им бы только смеяться да шалить, – пробурчала Корова.

Долго мы с ней в лесу жили. Мне тринадцать лет стукнуло. И читать, и писать меня Коровка научила, и много чему. А как-то сказала:

– Видимо, срок приходит тебе и мне в лесу жить, чувствую, скоро тут люди появятся.

Людей в том лесу отродясь не видно было. Одно слово – чаща непролазная, но однажды забрели-таки и в эту чащу охотники. Увидели гладкую корову, удивились сильно, как ее волки да медведи не задрали. А еще больше удивились, как увидели возле нее девочку маленькую, на вид лет семи.

Присел возле меня один охотник и спрашивает:

– Как же ты, крошечка, в такой чаще-то выжила? Звать-то тебя как?

– Крошечка Хаврошечка, – ответила я ему и посмотрела круглыми от любопытства и страха глазами.

Люди все-таки, не кикиморы. Большие они и непонятные, на лешего и мавок мало похожие. Таких только во сне и видела.

А охотник тот улыбнулся и говорит:

– Негоже маленькой девочке в лесу жить, да и корова у тебя больно хорошая – справная, молочная. Жаль такую в лесу оставлять. Пойдешь с нами в деревню жить? Может, и у тебя жизнь сладится. У меня три дочки, постарше тебя, подругами будут, научат тебя всему, что надо девочке знать. Правда, они у меня странные немного и злющие – в мать, наверное, но ничего, не пропадешь.

Любопытно мне стало, как люди живут, согласилась с ними пойти.

Привел охотник меня в свой дом. Несильно мне в доме обрадовались. Было у него три дочки. Никто их по имени не звал. У старшей был только один глаз. Ее Одно-

глазкой кликали. Другая дочь – обычная, с двумя глазами, но и у нее имени не было, даже родная мать Двуглазкой звала. А дочь младшая – особенная, трехокая, хоть глаз третий у нее и невидим был, мне об этом Коровка сказала, но все ее Трехглазкой называли из-за того, что видела она разное-непонятное, то, что другие не видели. Только подружками они мне не стали. Не веселые они были, как мавки да кикиморы, с которыми мы всё играли да смеялись, а злые и завистливые. Мать-хозяйка на меня косо смотрела да мужа ругала, что нахлебницу на ее голову привел. Стала заставлять меня много работать – ткать, белье белить да катать. Трудно было. Коровка утешала, приговаривала:

– Ткать будешь – смотри на нитки и думай, что и богиня Макошь день изо дня ткет полотно жизни, не ленится, а то как бы люди жили? А белить белье будешь – думай, что несешь в мир чистоту. Белый цвет – это чистота, добродетель, радость, истинность. Белый цвет – абсолютная свобода от всех препятствий, свобода для всех возможностей, разрешение проблем, новое начало. А уметь катать белье хоть и тяжелая работа, но поможет тебя научиться достигать цели. Не зря говорят: «не мытьём, так катанием».

Я старалась. Работала изо всех сил. Три года в трудах прошли. С другими людьми на праздниках да на выходных встречалась, интересны мне были. Разные они – и добрые, и не очень. У каждого свои проблемы. Селяне меня не обижали. Но больше всего я любила вечером в хлеву с Коров-

кой поговорить. Она меня разному учить продолжала. Так и жила. Только моих стараний хозяйке все было мало, стала она меня сверх сил моих нагружать. Вот я и стала просить Коровку мне помочь. Она вздыхала, а потом говорила:

– Что делать, помогу. Влезай ко мне в правое ушко, а вылезай в левое – будет тебе помощь. Но не к добру она придется – люди эти жадны, им всегда и всего мало будет.

Так и получилось. Послала хозяйка дочек своих следить, как мне удастся с работой справляться. Сначала Одноглазку, а потом Двуглазку присылала. А я увидела, что они пришли следить, да пела им колыбельную – спи глазок, спи другой, они и засыпали. А вот с Трехглазкой так не получилось, ее всевидящее третье око усыпить не удалось. Увидела она, как я Коровке в ушко залезала, шум подняла, в колдовстве меня обвинять стала. Начала рассказывать, что корова эта и не корова вовсе, демона в их дом вместе с этой кикиморой, то есть со мной, отец привел. Ведь всё, что непонятно – опасно, и поэтому демона, то бишь корову, надо уничтожить. Как хозяин ни противился, жалко ему корову молочную резать, но хозяйка приказала, ногами затопала, куда мужику было податься, согласился. Еле упростила до утра с ней побыть, попрощаться. Распрощалась со своей кормилицей и наставницей. Вернулась она в небесное стадо. До этого помогла она мне собраться в дорогу – и пошла себе. Через месяц вот в Семидворье прибыла, там тебя встретила, а остальное ты и сам видел.

Котигорошек поудивлялся немного моему рассказу, но не так уж и сильно. Вдохнул и сказал:

– Девочка ты или мальчик, мне не важно. В дороге с тобой легко. Идём дальше.

Победа над страхом смерти

Путь впереди то лентой стелился, то в болото превращался, то речкой разливался. Но мы упорные. Задание у нас. Идем. Котигорошек песню поет. Песня простая, но громкая: «Там, там, там. Мы идем и поем: там, там, там». И так десять раз, двадцать раз: «Мы идем и поем: там, там, там». Я через полчаса пения не выдержала:

– Котя, ты что-нибудь более осмысленное петь можешь? Неужто не знаешь ничего?

– А зачем? Эти слова так хорошо место в голове занимают. Я не думаю ни о чем, а ты думаешь, чтобы я замолчал и больше ни о чем другом не думаешь, и всем хорошо. Нет, правильно говорил учитель: не-думанье – великая вещь. Я просто чувствую, что просветляюсь, приближаюсь к познанию истины, а ты?

– Хорошо, что истина ничуть не страдает от того, что ее кто-то познает. Так ты это себе заставку для мозгов включил? – удивилась я Котигорошковой «мудрости». – Ты собрался следовать советам учителя и вовсе не думать?

– Да, и ты не поверишь, но в голове у меня что-то появляться стало, не мысли, а ощущение прекрасности бытия. Истина – это слово красиво звучит, правда? Бытие. Сознание. Истина. Настоящая музыка слов, – протяжно произнес Котигорошек.

Я аж опешила. Такие слова из его уст. А выражение лица!!!

– Знаешь, я услышал голос в голове. Он сказал: *подойди к краю*. Я ответил: *но я могу упасть*. Он снова: *подойди к краю*. А я отвечаю: *но там слишком высоко!* **ПОДОЙДИ К КРАЮ!** Я подхожу, он толкнул меня – и я полетел.

На лице Котигорошка отразился восторг, и в простодушных глазах промелькнула некая мудрость. Или мне показалось? Я совершенно не понимала этот мир, Котигорошек же чувствовал себя в нем, как рыба в воде. Что это за мир? Безумный для безумцев? Что тогда здесь делаю я?

Шли опять – долго ли, коротко ли, время не существовало. Нет ни ночи, ни дня, ни восхода, ни заката. Марево приглушенного света: вроде бы и светло, но полумрак, как во сне. Может, это и есть сон? Я сплю, и путешествие мне снится. Попросила Котю ущипнуть меня за руку. Он ущипнул. Остался огромный синяк. Значит, не сплю.

Наконец, впереди появились постройки, окруженные высоченным забором. Когда приблизились к ним, услышали:

– Стойте, стрелять будем.

Мы остановились. Котигорошек перекинул булаву с одного плеча на другое, а я прокричала:

– Уважаемые, мы путешествуем и разыскиваем одного человека. У нас нет никаких дурных намерений. Мы хотим поговорить, и если можно, поесть и переночевать у вас.

– Мы боимся вас. У вас слишком воинственный вид, и па-

рень этот сильно здоровый, он может причинить нам вред. Да, да, да, вред. Например, убить булавой, утопить, растоптать, поджечь, удушить, – слышались голоса из-за забора. – Да много чего еще, а ты можешь отравить, заколоть кинжалом. Кто знает, какую смерть вы несете.

– Вас много, а нас двое, пустите хотя бы меня, поговорить, или пусть кто-то выйдет к нам. Чего вы боитесь?

– Каждый, живущий здесь, хочет жить, и борется со страхом смерти, – прозвучало из-за забора.

– Мы клянемся, что не будем убивать. Какую клятву вам дать?

– Клянитесь самым дорогим, что у вас есть.

Котигорошек наклонился ко мне и прошептал на ухо:

– Мне что, булавой клясться?

– Не знаю. У меня и булавы-то нет. Так, всякая мелочь в котомке.

Наши раздумья были приняты как злокаверзные.

– Клянитесь жизнью, дурачье, – донеслось сверху. – Нет у человека ничего более дорогого, чем жизнь.

Мы, наконец, облегченно вздохнули и поклялись. Ворота со скрипом открылись.

– Заходите, – сказал хмурый, закованный в латы стражник, – учитель сегодня добрый. У него новые мысли вышли наружу и стихи родились. Он их будет вечером зачитывать, и некоторые идеи свои нам излагать. Зачитав, сможет избавиться от бремени в сознании, и значит, сам получит об-

легчение и нам поможет облегчиться. Поможет очередной раз переступить через страх смерти и подняться для жизни. В предвкушении этого и вас разрешил пустить. Мы, обычно, незнакомцам не открываем. Жизнь, она дороже.

Мы зашли внутрь огорожи. Небольшие домики. Все чисто, аккуратно и почти нормально на вид. Бегали дети, женщины готовили еду, куры клевали зерно. Я-то ожидала какого-нибудь ужаса, но нет, все обычно, по-людски. Нас попотчевали, разместили в небольшом помещении и дали помыться.

Женщина, кормившая нас, с придыханием сказала:

– Вечером учитель будет читать стихи и говорить слова истины. Вам понравится, вот увидите.

Я ждала с нетерпением. И вот мы пришли на место собрания.

На небольшом возвышении стоял мужчина средних лет. Сразу видно – учитель. Лицо отражало крайнее возбуждение, которое, как сказал один из селян, бывает у него при очередном озарении.

– Дети мои, ученики мои. Озарение опять посетило меня и подтвердило правильный ход наших мыслей. Мыслей о том, что жизнь – самая дорогая в мире вещь. Стоит бояться ее потерять. Страх смерти и желание жизни – вот движущая сила всего нашего существования. Страх смерти понуждает нас к действию, и потому так важен. Мы спешим чего-то достичь, пока не умерли. Спешим найти свою любовь и лю-

бить, спешим родить детей, построить дом, посадить дерево. Наша страсть – деятельность.

Он сделал паузу и продолжил:

– На нашем уровне, по ту сторону стержня, живут позитивисты. Мы минус – они плюс, как они считают. Они говорят, что не надо думать о смерти, не надо ее бояться, а надо думать о жизни и радоваться ее проявлениям. Они прячут голову в песок. Они тешат себя иллюзиями, их речи – это страх. Страх сказать лишнее, что навлечет беду на их головы. Они трусы, мы храбрецы. Ура нам! Скажем громко: ура живущему в нас страху смерти!

Над толпой разнеслось громогласное ура. Учитель продолжил, углубляя сказанное:

– Страх смерти – единственный первородный страх человека. Мы приобрели этот страх раньше любовного вожделения. Он самый естественный и самый основополагающий. Считаю, что все боятся смерти, просто кто-то отдает этому больше внимания, а кто-то – меньше. Мы не скрываем наших страхов. Те, кто живут здесь, признали это. Мы прямо говорим, что мы боимся смерти, и это помогает нам быть счастливыми каждый миг, который мы живем. Все наши дела определены желанием жить и пониманием, что мы умрем. Многие презирают нас за наши страхи. Но мы знаем, что страх смерти – уникальная возможность для самосовершенствования, позволяющая покончить с ложной позитивностью жизни и приобрести новое подлинное «Я». Мы при-

знаем, что всех нас мучают мысли и тревоги о том, что может случиться и как жить дальше, но осознаем, что вести существование, которое было раньше – нельзя. Ты, богатырь, скажи нам, ты не боишься смерти? – обратился он Котигорошку.

– Ага, – засмутился Котигорошек чрезмерному вниманию к его персоне.

– Вот смотрите. Он молод и глуп, хотя искренен в своих словах. Только мудрые, как мы, живут и движутся вперед, побеждая свои страхи. Один мудрец сказал: *«Жизнь – это процесс, посредством которого смерть бросает нам вызов. Смерть является действующей силой, жизнь – это арена действия. И всякий раз на этой арене только двое противников – сам человек и его страх смерти»*. [5] Дорогие дражайшие, но не дрожащие! У меня родились новые стихи, я выдавил из себя раба смерти и живу. Внимайте, ученики!

И он начал читать монотонным заунывным голосом:

*В синих сумерках я подох, вымерз в грязный стоячий пруд,
Отрепённости взрывают вопли, как лопаты могильный
грунт.*

*Не почуяв себя в мире, чуют там лишь, где лишних нет.
Кто заколот в своей постели? Кто злым роком питает
обет?*

*Прорывается в вены желчь – и становится слишком
больно...*

...на ладони поёт Ничто. Мне тревожно – Она довольна.

Потом прозвучал новый стих.

Всё лучшее странно, все лучшие – странны.

Снимают браслеты судьбы.

Ступнями голыми путь отмеряя прочь от вод Жизни реки,

Ладонью холодной жар принимая

Пульса выжженной чёрной земли.

Стук в дверь поздней ночью.

Из зеркала крик в лицо.

О чём удары сердца моего напоминают мне?

Беснуется в них хищное ничто...

О мёртвых, но способных всё узреть,

И о бессмертных, что не дают простых советов,

О том, что подлинного в мире людском нет

...безумие – на всё один ответ...

О тех, кто сгнил при жизни, но продолжил жить,

О тех, кто мир людской отринул, сквозь пустоту пройдя,

О тех, кто взглядом выжигал слова и по чьей воле

Темнела, кровью набухая, Харонова ладья...

(Приведены стихи Ричи Реллик (Раху Кету))

Люди в удивлении раскрыли рты, и на их лицах отразилось понимание дивного величия учителя.

Когда собрание закончилось, мы робко подошли к такому

умному учителю и робко поинтересовались, не видел ли он другого учителя с принцессой, и если видел, то куда они пошли дальше?

– Не хочу даже говорить об этом проходимце. Он считает это истиной, а на самом деле учит заведомой лжи – учит тому, что жизнь есть любовь. Недоумок. Его заблуждения просто смешны и научно несостоятельны. Я пытался ему это объяснить. Я имел с ним беседу. Он внимал мне, но не внял. Что скажешь? Недалёкость – бич многих. *«Рожденный ползать, летать не может!»*. [6]

Учитель обиженно поджал губы и снизошел до ответа на следующий вопрос.

– Куда он ее потащил дальше? Да, думаю, на следующий уровень, то бишь на второй уровень нашего мира – плотский. Может, по пути еще куда заглянут.

– Что? – вырвалось у меня. – Он будет ее совращать?

– Да зачем сразу совращать. Если он потащит ее сначала в минуса, то есть налево, то да, она может увидеть некоторые бесполезные для нежной девушки вещи, но он все же учитель, а не совратитель. А любой учитель нашего мира, какими бы заблуждениями ни обладал, имеет главную цель – научить и оставить после себя школу. Учить, учить и еще раз учить – вот смысл жизни. А люди должны учиться, учиться и еще раз учиться, как завещал им великий гуру.

Вид у учителя был очень поучающий. Я прониклась и решилась задать вопрос:

– А как же вы проповедуете только свою истину, критикуете позитивистов слегка, а не говорите: ищите, думайте, приходите к решению, живите своими мозгами?

Учитель не обиделся, а расхохотался.

– Умная, значит? Так вот, не умничай больно. Иди себе дальше. Вырастешь – поймешь. Большинство не только не умеет, но и не хочет думать, искать, понимать, разбираться. Все, кто пришел ко мне, дрожали от страха за свою ничтожную жизнь. Боялись заболеть, утонуть, сгореть во время пожара, упасть с коня, да мало ли чего боялись. Я уговорил их жить нормально, сказал нужные слова, постоянно ободрял и продолжаю ободрять, читаю необычные стихи. Они чувствуют мое величие и это все, что им надо. А вы поймете когда-нибудь, что я был прав. Страх смерти – главная движущая сила в развитии человечества. *«Летай или ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет»*. [7] Но вы ведь уверены, что лучше летать, чем, образно говоря, ползать. И все знают, что жить вредно для здоровья. Кто живет – тот умирает, но умереть хочется, как можно позже. Правда ведь? Все интересуются, куда деваются души после смерти. Это обсуждать не будем – это долгий разговор. С этими душами так непросто. Поэтому идите себе, дети, дальше, раз не хотите у меня учиться.

Мы и пошли, ветром гонимы. А у меня, как и после посещения первого учителя, в душе царило невероятное смятение. Каждый из них был в чем-то прав, но в то же вре-

мя не совсем, всё вызывало сомнения, а хотелось от учителя услышать Истину. Истину в последней инстанции. Может быть, свою истину. И постичь ее. Про себя хихикнула: «Индивидуальная истина, это интересно. А может, истина для каждого своя?». Хотелось с кем-то поговорить об этом, поэтому, за неимением другого собеседника, поделилась мыслями с Котигорошком. Он почесал затылок и ответил:

– А зачем тебе истина? Ее в карман не положишь, ею не наешься. Ты еще про мудрость поговори, что она такое. Тоже интересно. Мне вот в голову пришли слова. Откуда, право слово, не знаю, чудные какие-то:

Безумство храбрых – вот мудрость жизни!

Безумству храбрых поём мы песню! [8]

– А мы ведь с тобой храбрые. Я совсем без ума, значит, безумные. Выходит, мы с тобой имеем мудрость жизни. Здорово, правда?

И он запел свою песню: «Мы идем и поем: там, там, там. Мы идем и поем: там, там, там».

Я заткнула уши и побрела за ним следом, но вдруг Котигорошек споткнулся, толкнул меня, странно посмотрел и произнес:

А вы на земле проживете,

Как черви слепые живут:

Ни сказок про вас не расскажут,

Ни песен про вас не споют! [9]

– Ой, что это мне в голову пришло? – удивился он сам се-

бе. – Не иначе откровения сами собой меня посещать начали, когда я не думаю. Прав был учитель, точно прав, думать вредно. Может, это не о нас. Я не хочу, как черви, хочу героически. Хочу, чтобы о нас сказки рассказывали.

– Расскажут, Котя, обязательно расскажут, – успокоила я его.

И почему в этом мире в голову лезут такие странные мысли: то об истине, то о мудрости, то о том, как правильно жить. Почему?

Кажется, я расту

Котя подмигнул мне довольно хитро, перекинул булаву с одного плеча на другое, перестал петь и начал насвистывать.

Мы шли вроде вперед, хотя, что в этом мире это самое «вперед»? Мы и по кругу могли идти, и назад. Никаких ориентиров – ни во времени, ни в пространстве. Вот только есть стало хотеться сильно – значит, идем долго. Предложила Коте остановиться перекусить, в этом он всегда радо меня поддерживал. Нашли ручеек, достали сухари, сало, узвар и с удовольствием то ли пообедали, то ли позавтракали, а может, даже и поужинали, совсем счет времени потеряли.

Заметила внимательный взгляд Котигорошка.

– Что? Что-то не так? Чего ты на меня так смотришь?

– Крош, у тебя штаны, что ли, усохли, да и у рубашки рукава коротки стали. Ты их стирал на прошлой стоянке, и они сели?

Он так и обращался ко мне, как к мальчику. Да и вел себя, как со сверстником, только хиленьким. Держался весьма благородно, понимал, что я слабая, и всегда помогал – тяжести не давал таскать, через препятствия разные переводил. Хороший он парень, право слово. Про село свое рассказывал, про мамку. Любил ее явно. Последнее время даже откровенных глупостей не говорил, все больше молчал и меня

слушал, петь перестал, только насвистывал. Меня это устроивало. Я ему рассказывала про то, чему меня Рыжая Корова учила. Слушал внимательно и запоминал. Учился быстро. Я так быстро не могла, даже обидно. Через неделю читать начал. Я ему слова на песке писала, буквы-то он знал. В первый же день как слоги складывать разобрался, а под конец седмицы целые предложения зачитывал. Я поражаюсь.

Я так и ходила одетая, как мальчонка. Девичьей одежды у меня не было, да и зачем лишнее внимание привлекать, в штанах-то сподручнее. А они, и вправду, стали коротковаты, и я в них выглядела, как подстреленная. Как бы проверить, неужели, правда, сели? Вспомнила, что есть запасные такого же размера, надо сравнить, их я не стирала. Вытащила, сравнила и – о чудо – поняла, что действительно выросла. Да прилично так выросла, то-то мне все время есть хочется.

– Я расту, Котя, ура! – вскочила и запрыгала вокруг парня. – Я расту! Это невероятно. Сколько лет была такой маленькой, а в этом мире начала расти. Не хочу отсюда уходить, пока не стану нормальной, – огорошила Котигорошка.

– Рад за тебя, правда, а то я всё боялся, что не замечу тебя как-нибудь и ненароком зацеплю. Хорошо, сам не расту больше. Только вот, сколько времени тебе надо, чтобы нормальной стать? Вдруг, мы раньше Гигантеллу найдем, и возвращаться придется?

– А я тут останусь на некоторое время, пока не вырасту окончательно.

– Где тут? Мы с тобой уже, поди, вторую неделю бродим после последнего поселения, и никого еще не встретили. Ходим, как по кругу, а может, просто всё похожее вокруг. Всегда светло, всегда тепло.

– А что, ты бы хотел, чтобы дождь пошел?

– Да нет, просто переживаю, что время идет, а мы к выполнению задания ни на шаг не продвинулись. Ни врагов, ни друзей, никого вокруг. Может, ее, эту принцессу, колдун заколдовал, а может, дорогу нашу, поэтому мы никуда выбраться не можем. Хорошо, что едой запаслись. Да и та уже кончается. И, скажи, мы налево сейчас или направо идем?

Идем направо или встреча с «позитивщиками»

– Вообще-то мы прямо идем, – сказала я.

– Вот. А помнишь, на указателе, было написано: прямо дороги нет. Давай пойдем направо, хотя бы сначала себя найдем. Ты помнишь, написано было: «Налево пойдешь – себя не найдешь. Направо пойдешь – принцессу не найдешь, прямо вообще дороги нет». Может, это мы не в этом мире потерялись, а просто себя потеряли? А?

Я глазами захлопала. Просто-то как. Только гордыня во мне зашевелилась мерзким таким червячком, чего раньше не было. Как это я сама до этого не додумалась? Не привыкла никаких умозаключений ожидать от этого увальня. И как-то раньше не думала, что такое потерять себя, когда и не находила вроде. Корова-то мне говорила, когда напут-

ствовала, что мне много чего надо будет найти в этой жизни: себя, свою судьбу и еще там про любовь что-то говорила, ее тоже то ли встретить, то ли отыскать нужно. Задумавшись над этим сложным вопросом, спросила Котигорошка:

– Коть, а как ты думаешь, что такое «себя найти»? Ты себя терял?

– Да вроде и не терял, и не находил, вот такой, как есть, стою перед тобой. Может, они имели в виду, что найти себя – это узнать про себя то, чего сам не знаешь или не догадываешься, а оно должно быть, но где-то глубоко прячется. Может такое быть?

– Может и так, только у кого бы об этом более подробно поинтересоваться? А то пойдем себя искать и заблудимся. Хотя дорога-то перед нами одна и все прямо да прямо, куда направо идти?

– Так что нам дорога? Я себя вряд ли на дороге потерял. Скорее в кустах. Если дорога идет прямо, то направо как раз в кустах будет.

И многозначительно произнес:

– *Из двух дорог, лежащих предо мною, идти решил нехоженной тропой.* Тебя кусты смущают? Так я могу тебя понести. Хочешь?

Меня кусты не смущали, а непонятно почему вдруг стало смущать, что какие-то решения принимает Котигорошек. Да еще так складно это проговорил. Почему не я, привыкшая быть всему головой? Потом отмела все свои пакостные мыс-

лишки и сказала:

– Через кусты так через кусты.

И добавила:

– Пошли, только я и сама могу идти, – и засмушалась: на руках меня еще не носили.

Котигорошек, как огромный лось, раздвигал незнакомую растительность, я за ним шла, как по просеке. Шли мы не больше суток и наткнулись на какой-то то ли шест, то ли мачту, что уходила вглубь земли. Вокруг нее находились воронка и выжженная земля. Надписи на шесте гласили: «Основа мироздания», «Не подходи – убьет».

– И куда это мы пришли? – задали мы себе риторический вопрос.

– Не может основа мироздания быть такой хлипкой, – удивилась я.

– А вдруг она очень прочная, кто пойдет проверять? Написано ведь – убьет. Интересно, что за основой-то дальше. Похоже, такие же кусты, как и здесь, а может, за ней уже и «право» будет. Порой так трудно различить, где право, а где лево, кто справа, а кто слева прибил, – произнес Котигорошек. – Давай стороной обойдем эту основу. Наверное, лучше быть безосновательным, чем мертвым.

– Давай.

И мы отошли от нее метров на сто, не меньше, от греха подальше.

Долго ли, коротко ли шли, но нам стали попадаться люди.

Люди были очень сосредоточены на своем внутреннем мире. Они сидели группами возле небольших шатров, которые называли палатками. Возле некоторых палаток стоял столб с какой-нибудь надписью:

«Живи легко!»

«Счастье – и предшественник успеха, и его результат!»

«Стань счастливым сегодня и сейчас»

«Успех рождается сегодня»

«Для тебя нет ничего невозможного»

«Вон негативные мысли»

«Как научиться позитивному мышлению»

«Улучшим здоровье, изменив мышление»

«Научи себя улыбаться»

«Что первично: счастье или успех?»

И много других табличек. Целое поле палаток. Все люди улыбались, оскалив зубы. Глаза у них лихорадочно блестели. Одни слушали учителей, другие смотрели в пространство невидящими глазами. Но улыбки не покидали их счастливые лица.

Тихо шепнула Котигорошку, чтобы не нарушить всеобщего экстаза:

– Мы точно попали «направо». Помнишь, последний учитель «слева» упоминал людей с позитивным мышлением, так это, видимо, они. Чего ругал, непонятно. Вишь, как люди радуются. А учителей-то сколько! Возле каждой трех палаток, почитай, по своему учителю.

Мы проходили мимо, чтобы не мешать, и слушали:

– Адепты, вы знаете, что каждый день в нашей голове возникает порядка пятидесяти тысяч мыслей? А сколько из них позитивных? Мало, ничтожно мало. Но никому из вас быть лузером на роду не написано. Будущее можно построить сознательными мыслями. Надо начать работать над своими мыслями, формируя новые шаблоны. В результате выработать подсознательную программу успеха будет не труднее, чем сходить за палатку пописать.

Мы шли дальше и слышали:

– Чистка собственного сознания – это дело на всю жизнь. Задача глобальнейшая! И еще больше она усложняется тем, что, пребывая в негативе, мы чаще всего даже не знаем, что ведем себя деструктивно. Проверить состояние собственного мышления можно, взглянув на свою жизнь. Уровни благосостояния и счастья, качество взаимоотношений с окружающими и даже состояние здоровья, все это – отражение самых частых наших с вами мыслей.

Было очень интересно узнать:

– Если в жизни что-то не устраивает, надо просто прекратить об этом думать и говорить! Все нежелательное живет потому, что питается энергией нашего внимания, и, чаще всего, просто исчезает, если этот канал перекрыть. Идеальным примером в этом случае могут служить домашние неурядицы. Скажем, муж приходит домой, уже заряженный на скандал, но вы отказываетесь ему в этом потакать. И что

происходит? Никакого скандала не будет, ведь не может же он ругаться сам с собой! Любая проблема растворяется, стоит только по-настоящему освободиться от нее на эмоциональном уровне.

Особенно порадовал смуглый мужчина, державший за руку и просто «исцелявший» словами худого, слегка ошалевшего человека, приговаривая:

– Улыбнитесь! У вас рак. Люди с позитивным мышлением должны относиться к любой, даже очень тяжелой жизненной ситуации, как к подарку. Нужно лишь верить в хорошее, и тогда все наладится. Мы сейчас находим нужную аффирмацию, то есть короткую фразу, содержащую вербальную формулу, которая при многократном повторении закрепляет требуемый образ или установку в нашем подсознании. Она будет способствовать улучшению психоэмоционального фона и стимулировать положительные перемены в жизни. Так что улыбнитесь. «Жизнь прекрасна. Живи легко». Эта аффирмация сегодня есть девиз успешного человека: что бы ни случилось, не поддавайся унынию. Будем петь песни и улыбаться.

И они запели песню:

Всё хорошо, прекрасная маркиза,

Дела идут и жизнь легка.

Ни одного печального сюрприза

За исключением пустяка:

Узнал ваш муж, прекрасная маркиза,

*Что разорил себя и вас,
Не вынес он подобного сюрприза
И застрелился в тот же час.
Упавши мёртвым у печи, он опрокинул две свечи,
Попали свечи на ковер, и запылал он как костёр,
Погода ветреной была, ваш замок выгорел дотла,
Огонь усадьбу всю спалил, а с ней конюшню охватил,
Конюшня запертой была, а в ней кобыла умерла.
А в остальном, прекрасная маркиза
Всё хорошо, всё хорошо. (???)*

Меня поразило в самое сознание. Я осознала, что тоже хочу стать красивой и благополучной. Поэтому, недолго думая, бросилась к группе палаток, над которыми висела табличка «Как стать самой очаровательной и привлекательной», и обратилась к лошеному, красиво одетому учителю:

– А можете меня научить быть самой-самой?! Можете?

– Можем, – буркнул учитель и скривился, рассматривая мои короткие поношенные штаны в репьях. – Пойдите, поговорите сначала с секретарем, – и отвернулся.

Навстречу выскользнул какой-то плюгавенький, незаметный мужичонка, окинул меня взглядом и спросил:

– А деньги у тебя есть?

– Деньги имеются, – ответила, как есть.

– Сколько? И не украл ли ты их? Слишком неблагополучно выглядишь. Мы с таким материалом не любим работать. Тут я обиделась.

– Я не материал. Я учиться хочу изменять себя и реальность.

– Ну-ну, – ухмыльнулся секретарь. – У нас заведено: утром деньги – вечером стулья. То есть сначала полная оплата, – и назвал сумму, – а потом учение. И оденься поприличнее, у нас респектабельная публика занимается.

Я немного опешила. Король за выполнение задания по спасению дочери заплатил нам аванс в сумме вдвое меньшей, чем стоил семинар. Приуныла. По всему, не видать мне счастья. И не быть самой-самой. Заплакала горько и поплелась к Котигорошку, который сидел на пригорке и сочувственно на меня смотрел.

Вытащил из кармана богатырский платок, подал мне.

– Надеюсь, платка хватит слезы и нос утереть.

Потом приобнял, утешая:

– Не дрейфь, Кроха, будешь еще самой-самой, а для меня ты и так самая-самая.

Я встрепенулась, и посмотрела на него с надеждой.

– Котя, как это – самая-самая?

– Ну, наверное, самая близкая и нужная сейчас.

– А у тебя что, выбор есть?

– Выбора нет, но я знаю, что сейчас ты самая-самая. Самая лучшая из тех, кого я знал.

У меня как-то сразу от его слов потеплело в груди и стало не так грустно, а потом пришел и, как всегда, все испортил ехидный вопрос. Ну, так я странно устроена, все подвергаю

сомнению.

– Коть, а ты многих знал, тех, которых сравнивать надо, чтобы понять, что самая? А как долго я буду этой самой?

– С девчонками вообще не водился, только с тобой вот общаюсь, все с пацанами бегал да еще с мамкой разговаривал. Она точно у меня самая-самая лучшая мама. А как долго ты будешь самой-самой – честно, не знаю, хочется, чтобы долго.

– Так получается, каждый, если выбора нет, может быть самым-самым, – произвела я умозаключения, – а перестал быть нужен – и перестал таковым быть.

Я опять загрустила, опять принялась громко сморкаться, а слезы насквозь промочили даже богатырский платок.

– Крош, ну ты чего? Говорю же, ты самая-самая. И зачем ты к этим оптимистам пошла? Расстроилась только. Пессимистом быть плохо, это мне еще и мамка говорила. Оптимистом, как сейчас поняли, дорого, давай мы с тобой будем реалистами. Ну, зачем ты туда пошла?

Я задумалась. И правда, чего бросилась к этому учителю, как кур в ощип?

– Там народу много. Думала, где много народа, там, наверно, правильное что-то происходит. И еще они все улыбаются, радуются жизни, позитивно настраиваются, убеждены, что у них в жизни все будет хорошо, а я все сомневаюсь, тщательно размышляю, каждый шаг просчитываю.

Горько всхлипнула, положила голову Котигорошку на колено, он приобнял меня и стал по голове гладить, а я опять

стала всхлипывать.

– Устала я, наверное, и от дороги, и от неопределенности, – оправдывала свою слезоточивость. – Принцессу вот никак не найдем, даже где искать – не знаем, не то, что на поверхность доставить. А мне поесть вкусенького хочется, пирожков сладких, поспать не на земле, а в мягкой постели, одеться по-человечески – девушка я или кто?

Потом помолчала и тихо спросила:

– Котя, мне кажется, я глупею. Я глупею в этом мире, не понимаю, что, зачем и почему. Он такой странный. Тебе так не кажется?

Котя шмыгнул носом, но посмотрел на меня серьезно.

– Ну, во-первых, я тебя не знал до того, как мы встретились, а во-вторых, со мной тоже что-то происходит. Голову мысли всякие посещают. Я тебе не говорил, но все, что мне матушка когда-либо рассказывала, я вспомнил и понял, что к чему. А еще ко мне знания как будто из окружающего пространства приходят. Не так, как учитель учил, что не думать совсем и все появится, нет. Они приходят и спорят друг с другом, кто прав, кто не прав. Позитивисты говорили, что человеку в день приходят до пятидесяти тысяч мыслей. Как только посчитали? И, представляешь, какой бардак они у меня в голове устраивают? Мне сейчас надо навести в ней порядок, а как это сделать – не знаю. Понятия не имею, как определить правильность, что ли. Иногда сознание как бы говорит одно, а кто-то другой противоречит. Понимаю, что

нельзя жить без дружбы с собственной головой, потому мне нужна твоя помощь.

Я поразила происходящему с моим попутчиком, но многозначительно произнесла:

– Если бы у меня был конфликт между умом и сердцем, я бы доверилась уму. Вот не ожидала, что у тебя все так запутано. Почему молчал?

– А что, сознание и ум – это одно и то же? Тогда, кто противоречит сознанию? Почему решила, что это сердце? И чем его мнение хуже?

– Вообще, в народе говорят: слушай свое сердце, но оно вроде как просто мышца. Вот как бы во всем этом разобраться? Нам бы с тобой хорошего учителя.

– Да боюсь я их теперь, – проворчал Котигорошек. – Только тебе и верю немного, да тому, чему мамка учила, доверяю.

– Да я тоже только тому, что Рыжая Корова говорила, верю. А еще она приговаривала, напутствуя: найди себя, найди себя. Как искать? Тут с учителями этого мира последнюю себя потеряешь. Но будем надеяться, что кто-то знает, как правильно. Рано или поздно судьба сведет нас с нужными людьми и разведет с ненужными.

– Тебе и у позитивистов учиться не надо, Крошка, – сказал Котя. – Надеешься на судьбу, а кто она такая? Задайся вопросом.

Я покачала головой. И, правда, одни вопросы. Но плакать перестала. Озадачилась.

Котигорошек со свойственной ему решительностью прекратил наши умствования, поднял меня с пригорка и проговорил:

– Имеем, что имеем. Вот пришла мысль. *«Нельзя ни о чем жалеть в этой жизни. Случилось что, сделал вывод – живи дальше»*. Будем учиться по ходу дела у этой самой жизни. И пошли, поищем, что поесть и купим тебе новую одежду. Посмотри, как ты выросла, почти мне до пояса доставать стала, – радостно заметил Котигорошек.

И правда, я вытянулась так, как и не мечтала. Стала почти нормального девчачьего роста. Еще бы немного подрасти. А сейчас интересно посмотреть, на кого похожа теперь. Жаль, зеркала нету. Какой стала, такой стала, принимайте, какая есть. «Вот такая, какая есть, хочет есть», – произнесла про себя. Стало смешно, и плакать совсем перехотелось.

И мы пошли искать базар.

Площадь, занимаемая палатками, огромная. Люди смеялись, пели, танцевали, ставили какие-то представления. Радовались жизни. Кажется, девиз этой ярмарки оптимизма: «Не умеете радоваться – научим. Не хотите радоваться – заставим».

Нам с Котей тоже стало радостно, что покидаем эту толкучку и приближаемся к продуктовому базару.

Торжище было хоть куда. Шумело, тоже радовалось жизни, но как-то не назидательно-поучительно, а питательно. Зашли в харчевню, поели супа с мясом, выпили кваса, по-

том купили пирожков сладких с маком и пошли искать лавку с одеждой.

Одежных лавок оказался целый ряд. Выбери хоть платье, хоть штаны или что другое нужное. Платье хотелось потому, что хотелось, а штаны просто необходимы. Котигорошек проследил за моим жадным взглядом на женские наряды и хмыкнул понимающе.

– Ты платья-то когда-нибудь носила? – поинтересовался.

– Нет, никогда, только деревенские сарафаны, а когда в лесу жила, в штанах ходила: там же комары. Платья у меня никогда не было, – печально призналась я.

– Значит, купим. Денег на семинар у нас, конечно, недостаточно, но на нормальное питание и одежду, думаю, хватит. Хочется увидеть тебя в девчачьей одежде.

Я засмушалась. Ну, какая из меня девушка – и косы у меня нет, и выгляжу, не знаю даже как.

– Сначала умойся, вон вода течет, а потом купим тебе платье, – солидно, как мужик, произнес Котигорошек.

Похоже, ему понравилось о ком-то заботиться и быть взрослым.

С чистыми руками, умытую, меня завели в скромную лавку. В роскошную лавку я не осмелилась войти. Но даже в этой, скромной, находилось зеркало, и в нем отражался белобрысый, вполне симпатичный, невысокий пацан в коротких драных штанах.

– Что желаете? – доброжелательно произнес продавец,

но смотрел нас с некоторой осторожностью.

На состоятельных покупателей после столь длительного блуждания этим миром мы не походили.

– Платье и плащ для вот этой девушки, – спокойно произнес Котигорошек, – а также пару рубашек и пару штанов разных размеров, одни как раз на нее, а другие на вырост.

Платье выбирали вместе и тщательно. Чтобы и красивое было, и не маркое в то же время. Зачем мне платье, кроме как по прихоти, не понимала, но очень хотелось. После примерок выбрали оливково-коричневое с поясом и воротничком. Когда надела его и посмотрела в зеркало, то не узнала себя. Даже с короткими волосами выглядела симпатично. Тонкая талия, даже какая-то грудь просматривалась, молчу какая, но все-таки. Мордашка миленькая: аккуратный носик, синие глазки, алые губки, сама удивилась, что это я так выгляжу. Котигорошек – так просто онемел. Потом очнулся и тихо сказал:

– Я и не заметил, как ты выросла и превратилась во вполне так... – замялся, – в хорошенькую девчонку. Крошка, честно, ты просто прелесть в этом платье.

Продавец хмыкнул, то ли от неожиданного моего преображения, то ли от обращения ко мне моего спутника. «Все-таки обращение Крошка какое-то несколько фривольное», – подумала я. Но что поделать, не называть же меня сейчас Крош, а Крошечка Хаврошечка – так вообще будет звучать как издевательство. Придумать себе, что ли, новое имя?

Хм... а неплохая мысль. Новая я – новое имя. Вот только какое? От моего имени одни глупости при сокращении получаются. Крош еще ничего, но Хавря ни в какие ворота не лезет, не хочу Хаврей быть. Потом остановила себя в этих левых рассуждениях. Куда это тебя заносит, девушка? И платье тебе приобрести, и имя менять, а задание королевское выполнять, принцессу искать кто будет? Нет, надо покупать штаны и нечего тут перед зеркалом задом вилять.

Глянула на парня и подумала, что и ему бы что-нибудь надо прикупить, вот только на него сложно что-то найти.

В результате проходили по лавкам до самого вечера, одели меня, а Котигорошку заказали новые штаны и рубашу. Довольные покупками, пошли на постоянный двор и сняли две комнаты. Я все еще была в платье. Так не хотелось переодеться и дальше изображать из себя мальчика! Поели и, как белые люди, пошли спать на мягких матрасах и чистых постелях. Завтра будет завтра, а сегодня я отдыхаю.

Новый день от нас не отказался. Разбудил мыслью о еде, поднял, одел в штаны и новую рубашку, натянул картуз на голову и обременил мыслями о том, что делать дальше, куда идти.

Спустилась вниз. Котя уже сидел и ждал заказ. Искося посмотрел на мой мальчишечий вид, вздохнул, махнул расстроено рукой – хорошего понемножку, мол, присаживайся – и задумался. Молча поели, а за чаем стали обсуждать, куда податься, где искать и что: то ли себя сначала найти, то ли

принцессу. Решили, что себя, раз это так сложно, будем искать по ходу дела, а поиск принцессы обещан королю.

Прогулка в «направо»

– Котя, раз уж забрели в эту сторону, может, исследуем ее пару деньков, поймем, что к чему? И переход на второй уровень этого мира тоже надо найти.

– Давай побродим. Хочется посмотреть, как люди в этом «направо» живут.

– Кстати, тут все спокойно, «позитивно», может, не будешь с собой булаву таскать, оставишь на постоялом дворе, а то люди от нас шарахаются? Считают нас агрессивными или слишком странными.

– Вот еще. Я с ней уже более года не расстаюсь, привык. Плохо мне без нее, как будто чего-то не хватает, например, как руки или ноги.

– Коть, ну давай хоть сегодня не будем привлекать к себе излишнего внимания. Давай ее оставим. Ты и без булавы голыми руками кого хочешь побьешь. Побьешь же? – не унилась я.

Котигорошек соглашался, что побьет, но долго сопел, и, как настойчиво я его ни уговаривала, булава была взята и заняла свое место на плече. Мы пошли изучать мир, что про себя называли «направо». Вышли из городка, в котором остановились и зашагали по дороге, осматривая окрестности.

Мир был очарователен. В отличие от «налево», где практически отсутствовали деревья и все выглядело довольно

уныло, тут все буяло зеленью. Небольшие живописные рощи, перемежающиеся с полями, встречались вдоль всего тракта, по которому мы шли. Цвели цветы, летали бабочки, все дышало покоем и радостью. Я абсолютно расслабилась и наслаждалась созерцанием. Сплела венок из ромашек и, сняв картуз, надела на уже сильно отросшие волосы. Для образа парнишки моя прическа теперь не слишком подходила. «Подстричься, что ли, опять?» – возникла здравая мысль. Стричься не хотелось, волосы было жалко. Вспомнила свою чудесную косу. А может, ну ее, эту роль мальчика? Я с таким внушительным спутником, да и нападать на нас никто не собирается. Наоборот, как только узнавали, что мы не учиться пожаловали, сразу теряли к нам всякий интерес. Помечтала, как буду ходить в купленном замечательном платье и выглядеть, как девушка – еще сильнее заулыбалась. Провела пальцами по волосам, расправляя их, поправила венок. Волосы шевелил легкий ветер, и я улыбалась во весь рот, не то, что настороженный Котигорошек. Мы шли, куда глаза глядят, надеясь, что, авось, узнаем новое. Венок съехал чуть набок, и вид у меня был совершенно беззаботный.

– Крош, гляжу, ты совсем расслабилась, а мне вот как-то не по себе. Деревья, трава и вообще природа вся какая-то неестественно зеленая, все как нарисованное. Тревожно.

– Это потому, что вокруг всё спокойно, а ты отвык отдыхать. Всё время настороже. И сейчас булава с тобой, а кому мы тут нужны? Успокойся, мы тоже должны иногда рас-

слабляться. По природе гулять. Может, на какого еще учителя набредем, поговорим. Они, я поняла, набирают себе учеников – кто больше, кто меньше – для обучения. А то, что на поле полно позитивщиков, так это у них объединенная конференция разных школ. Слышал, как на рынке об этом говорили?

– Да слышал, конечно. Вот интересно, есть ли тут, действительно, другие учителя, или все вышли на это поле деньги зарабатывать?

– Пойдем, посмотрим, что впереди. Сколько пройдем – все наше. Куда-то же эта дорога ведет? – предложила с предвкушением приятной прогулки.

Котигорошек как-то слишком пристально посмотрел на меня и качнул головой.

– Крош, ты стала какая-то излишне беззаботная. Вижу, что и задание тебя так не волнует, как раньше. А по мне, эти все цветочки слишком уж успокаивают, усыпляют. Тревожно, правда. Недоброе чую.

– Да мы за все время пребывания в этом мире ничего опасного не встретили. Учителя, они думы думают, люди их слушают, кто одному верит, кто другому. Так и живут. Мысли жуют.

Мне стало совсем смешно, я смеялась над своими словами, а Котигорошек почему-то хмурился.

Я подставила лицо ветру, солнца-то тут тоже не было, но, казалось, было значительно светлее, чем «налево», и стала

осматривать окрестности.

На дороге нас не раз обгоняли всадники, окутывая облаками пыли. Встретили несколько телег, направляющихся в город, и больше ничего не происходило.

— Зря мы, наверно, подались в эту сторону. Нет времени просто гулять, и так больше месяца в этом мире, а ничего не нашли и о самом мире почти ничего не узнали. Никто рассказывать не хочет. Наверно, надо в город возвращаться, — ворчал Котигорошек. — Завтра сходим еще по одной дороге и будем думать, что делать дальше.

— Давай еще немного пройдем вперед и будем возвращаться.

Мне не хотелось в город, больно приятно было идти от рощицы до рощицы. Котигорошек больше не пел своих дурацких песен, думал о чем-то, иногда насвистывал, я тоже мурлыкала под нос. Временами рассказывала ему разное из того, чему учила Рыжая Корова, и он все это запоминал и, как мне казалось, понимал, не просто впускал в одно ухо, а выпускал в другое.

За следующим поворотом мы, к нашей радости, увидели несколько домиков и небольшую придорожную харчевню. Аппетит мы добрячий нагуляли, а наши сухие перекусы поднадоели. Мы надеялись основательно подкрепиться и отправиться в обратный путь.

Хозяин харчевни встретил нас однобокой улыбкой. Лучше бы вообще не улыбался. Неприятный какой-то тип, не по-

направился мне, да и Котигорошек еще сильнее насторожился.

Мы заказали крупяную похлёбку и бараньи ребрышки. Пока ждали заказ, осматривали помещение. Харчевня маленькая, но уютная, на семь небольших столиков. Стены украшены резными изделиями из дерева. На стене также висели вязанки лука и чеснока. Кроме нас в зале обедали трое крупных мужчин, похожих на стражников. Они внимательно нас оглядели, и стали о чем-то тихо совещаться.

– Хорошо, что булава со мной, – сказал мне Котигорошек тоже тихо. – Они мне не нравятся. Похожи на воинов, вон и шпаги на поясе висят. Зря ты говорила, что тут все мирно и опасаться некого.

Один из мужчин поднялся и направился к хозяину харчевни. Они перебросились несколькими тихими фразами, потом он кинул ему золотой, что гораздо больше стоимости обеда, и пошел к своим товарищам, украдкой посматривая на нас.

Вскоре заказ принесли, и ароматная похлёбка тут же заставила забыть обо всём на свете. В меру острая, с большим количеством своеобразных специй, она быстро наполняла наши голодные желудки, и приятная сытость накрывала нас покоем и умиротворением. Сразу захотелось спать. Когда доедали ребрышки, мои глаза почти слипались. Что это я так расслабилась? Вроде и выспалась. Смотрю – и Котигорошек позевывает, уминая третью порцию ребрышек.

– Хозяин, еще морсу или квасу, – попросила я, надеясь

взбодриться.

– Что-то спать захотелось, хотя я даже пива не выпил, – заметив мое сонное состояние, пробормотал Котигорошек.

– Наверное, мы с тобой просто заотдыхались излишне, кругом все такое красивое, мирное, убаюкивающее. Может, посидим немного, и тогда пойдем назад? – предложила я, еле разлепляя веки.

– Давай только от харчевни немного отойдем. Не нравятся мне эти люди, поглядывают на нас как-то странно.

– Я бы тоже на нас поглядывала. Ты здоровый и с булавой в этом мирном мире, а я маленькая или, вернее, маленький, непонятно кто, хорошо хоть веночек перед харчевней сняла. А может, это те люди, что обогнали нас на дороге? Ты лошадей не видел?

– Не видел, но слышал ржанье. Да, видно, это они. Тем более, пойдем отсюда побыстрее и подальше.

– Пойдем. Только, Котя, я идти не могу, ноги не слушаются, они как ватные, и глаза закрываются. Может, я заболела?

Котигорошек расплатился. Хмуро посмотрел на хозяина, схватил меня за руку и вышел из харчевни.

Мы пошли не по дороге, а свернули в рощицу. Вернее, свернул Котигорошек, я в это время уже безвольно висела у него на плече, почти не видя окружающего мира и погружаясь в какой-то дурманный сон.

В подземелье (или как в страшном сне)

Проснулась незнамо когда, со страшной головной болью,

разбуженная разговором незнакомых мне людей.

– Смотри-ка, а это девка. Ишь, замаскировалась под мальчонку. Надеялись, мы их не узнаем и не найдем.

– Да куда там не узнать? Этого здоровущего лба с булавой ни с кем не перепутаешь. Еле дотащили, хорошо, на коня удалось взгромоздить. Думали, что и не заснет.

– Да ему столько снотворного насыпали – слона можно усыпить, а он еще рыпался, в рощу ее дотащить успел, прежде чем уснул.

– Хорошо получилось, что они, можно сказать, по собственной воле к нам пришли. Дорожку в эту сторону сами выбрали, а остальное – дело техники.

– Теперь наша феечка на них полюбуется и поймет, что ей больше нет смысла на чью-то помощь надеяться. Пусть наш перевес поддерживает. Ишь, плачет в уголке, – и он обратился к кому-то рядом.

– Ваше феечное величество, не рыдайте. Те, на чью помощь Вы надеялись, тоже у нас. Смотрите: спят, как невинные младенцы – и безоружные, и за крепкой решеткой. Так что смиритесь и не упрямяйтесь. И им будет легче, и вам. Отпустим, домик починим, пряниками кормить будем. Не упрямяться. Мы сейчас уйдем, а вы думайте, думайте. Чай, неприятно в сырости и темноте сидеть уже столько времени.

Сквозь смеженные ресницы я посмотрела на разговаривающих. Здоровенные дядьки, с такими не пошутишь и не до-

говоришься. И что им только от нас надо? Не только от нас, но и от какой-то феечки, которая сейчас где-то неподалеку хнычет.

Не желая показывать, что я проснулась, притворялась, дожидалась их ухода. Тревожная мысль о Котигорошке ударила по и так больной голове: «Где он? Если жив, то давно пришёл бы на помощь, всех поборол и меня освободил. И не лежала бы я здесь в сырости и темноте. С ним что-то случилось!». Ужас от тревожных размышлений еще раз ударил по ноющему затылку сильнее дубины. Нет, этого не может быть! Меня просто похитили, а Котя меня ищет, и обязательно найдет. Но не давали успокоиться и обрасти надеждами слова стражника про лба с булавой, которого усыпили огромной дозой снотворного. Это про Котю, точно. Значит, жив, и его тоже похитили. Где он? Эти мысли крутились в голове, хотелось вскочить и оглядеться, но я ждала, когда стражники уйдут.

Наконец, звук шагов затих вдали, я открыла глаза и поняла, что нахожусь в подземелье. «Не смешно», – мелькнуло в голове. Находиться в подземелье подземного царства или как его правильно назвать? Подземная дыра? Названия этого мира нам так никто и не сказал. Вот дела! Было не так жутко, как неожиданно. Кому мы нужны-то? Подумаешь, двое совсем молодых людей ищут принцессу другого мира. Другого же мира, не этого. Может, она необходима этому миру, и ее не хотят отдавать? Мы мешаем, и за это нас похитили?

Так в этом случае, скорее бы, убили сразу. Может, и убьют, но погода? Потом пришла мысль, что нас хотели показать какой-то феечке. Похоже на то, что мы все-таки мешаем кому-то в этом мире. Но это другие игры, и принцесса тут ни при чем.

Моя способность к быстрому разбору происходящего, которая как-то притупилась во время странствий, неожиданно вернулась, но не полностью.

Котигорошек лежал на полу в камере напротив. Вид бесчувственного и беспомощного силача не уместился в моем сознании. После сражения с драконом я вообще считала его непобедимым. Да в бою, наверное, так и есть, но не в подлой подставе. Усыпить и безоружного бросить в темницу. Стало мучительно больно, не за себя, а за по-детски простодушно-го парня.

– Нет, я что-нибудь придумаю. Мы выберемся, – сказала сама себе. – Надо оглядеться и понять, что тут происходит.

Кто-то находился в соседней камере и горько плакал. Прильнула к решетке и позвала:

– Эй, ты кто? Подойди поближе. Давай познакомимся.

Всхлипывания прекратились, и возле решетки появилась молоденькая девушка, вся в слезах и страшно бледная. В не первой свежести одежде, по-видимому, тут она находилась давненько. Отчаяние и надежда одновременно отражались на лице.

– Ты кто и что тут делаешь? Мы вот, непонятно почему,

попали сюда. Ты знаешь, что это за место и что от нас хотят? – спросила я незнакомку.

Девушка вздохнула и ответила довольно резко:

– Слишком много вопросов, хотя ответы на некоторые из них очевидны. Подумай сама, – назидательно сказала она и продолжила. – Вижу, что понимаешь, что это подземелье, и мы в нем сидим. Нас похитили – и вас, и меня – это все яснее ясного и следует из того, что ты видела и слышала, а вот стоит ли тебе рассказывать, кто я и зачем тут – в этом я не уверена.

Я обиделась.

– Думала, вместе придумаем, как отсюда выбраться, а ты вредничаешь.

– Не вредничаю, а опасаясь, – с вызовом ответила девушка, которую, видимо, называли «феечка». – Кое-что я о вас знаю, но хотела бы услышать лично, а потом решить, стоит ли с вами откровенничать.

– Значит, мы про себя должны все выложить, а ты будешь слушать и решать, достойны мы знать о тебе или нет.

Я помолчала, посопела обиженно, а потом решила, что вредничать в такой ситуации глупо, и добавила:

– Из рассказа стражников я поняла, что тебя пытаются что-то заставить сделать, и что ты, почему-то, надеялась на нашу помощь. Так что мы сюда попали из-за твоих проблем, а ты еще права качаешь. Молодец, – выпалила я и замолчала, отвернувшись.

Молчание длилось довольно долго, я все это время смотрела на Котигорошка. Что с ним? Почему не двигается? Он не походил на просто спящего, даже под снотворным. Что-то с ним не так. Слишком безжизненные руки. Слишком странно откинутая голова. Отчаяние тихой змеей вползало в душу.

– Котя, – тихо позвала я, – Котя! Очнись! Что с тобой? Очнись! – почти завопила.

– На нём браслеты обессиливания, – слышался тихий голос соседки, – потому он в таком состоянии. Думаю, он будет спать еще довольно долго. Его богатырской силы очень боялись и накачали снотворным. И эту дрянь, браслеты то бишь, на руки надели, – примирительно и с сочувствием произнесла девушка.

Я смотрела на силача, который сейчас был слабее младенца, и гнев наполнял меня по самую шею. Как они посмели! Не так жалко себя, как Котигорошка. Такой могучий, такой добродушный, такой, такой...

Про себя совсем не думала, проснулась и ладно, а все мысли крутились вокруг товарища.

– Котя, очнись, – позвала опять, – ты самый-самый, Котя. Я что-то придумаю, они не смогут тебя погубить, мы выберемся отсюда. Очнись только!

– Девочка, тише, не кричи, а то придут стражники, а нам надо многое обсудить и решить, как быть дальше. Я поняла, что ты одна без браслетов, тебя всерьез не принимают, пото-

му сохраняй спокойствие, будем думать, что делать. Я тоже реветь больше не буду. Вместе как-то легче.

– Так на тебе тоже браслеты?

– Да, но не обессиливания, а лишаящие возможности выхода в поле информации и некоторых других способностей. Приземлили то бишь меня. Я сейчас обычный человек.

– Ничего себе, и такое бывает?

– Бывает. Эти браслеты – дорогая и невероятно редкая вещь. Их используют в исключительных случаях. Видимо, для них очень важно добиться от меня подчинения. Поэтому надежда только на тебя, особенно если сможешь снять с Котигорошка браслеты и вернуть ему силы. С его помощью мы сможем освободиться.

Я посмотрела на «феечку» с сомнением.

– Рассказывай, не тяни время, выбираться надо. Скажи уже, кто ты? При чем тут мы, и зачем нас захватили и посадили в подземелье? Заодно просвети, что это за мир. Нам никто так и не рассказал.

Феечка вздохнула и стала шепотом рассказывать:

– Этот мир называется Подземье. Ваш мир, у нас его называют Надземье, шарообразный, а наш по форме напоминает яйцо. Наверно, слышала легенду про то, что уточка снесла яйцо или даже два, из них образовалось много там чего – суша, небо и другое. Это все легенды – кроме того, что вначале, действительно, было яйцо. Так вот, наш мир по форме представляет собой яйцо. Изначальный Свет освещает нашу

обитель, а Изначальная Тьма окружает его. Наш мир многослойный и состоит из семи уровней – слоев, через которые проходит ось, или основание мира. Вы, наверно, видели это основание, проходили мимо него.

– Это та палка, на которой написано «не подходи – убьет»? – перебила ее я.

– Да, это оно, и оно прочное, но тонкое, и может изгибаться – в этом вся проблема. Если на него сильно надавить тем, что в нашем мире значимо, а именно идеями, оно может прогнуться и искривиться. А это плохо не только для нашего слоя, но и для всех уровней вообще.

Девушка посмотрела на меня, увидела, что я не очень понимаю, и повторила подробнее.

– Основание мира – оно как пруттик, если на него не давить, то ровное, а если давить, может искривиться. А оказывать давление на него в нашем мире можно идеями, которых придерживаются люди, живущие на слоях. Если идеи разных школ уровней находятся в определенном равновесии, то ни слою, ни миру ничего не угрожает. А если нет, то может случиться беда. Поэтому равновесие идей и ментальная сила хранителей, их поддерживающих, очень значимы. За этим балансом на каждом уровне призваны следить мы, феи равновесия. Я фея равновесия первого уровня. Я не даю прогнуться или перекоситься основанию мира.

– Корова Земун многое рассказывала мне о нашем мире, но о вашем совсем не упоминала, – сказала я.

– Конечно, зачем лишние знания, которые тебе совершенно не нужны. Тебя и так многому нужно было научить, а не забивать голову всякими сказками о существовании подземного мира, тем более, об его устройстве. Наши миры развиваются отдельно друг от друга и сильно разнятся. Ваш мир – поднебесный. У вас есть небо и солнце, которое освещает землю. У нас нет неба, вместо него дно следующего уровня. Ваш мир шарообразный, круглый, и все, что на нем находится, живет на поверхности земли или в океане. Земная кора вашего мира покрывает наш мир, а мы находимся внутри вашего.

– А откуда ты это знаешь? Ты в нем бывала?

– Приходилось, и мне там очень понравилось, – грустно сказала фея.

Я удивилась, отметила это про себя, и продолжила расспросы:

– Но яйцо не шар, а что вокруг яйца-то?

– А вокруг нашего мира располагается Изначальная Тьма. И если ось перекашивается, Тьма сжимает яйцо, стараясь поглотить и уничтожить как можно больше Изначального Света. Наш мир может уменьшиться и постепенно вообще пропасть. Тьма всегда старалась поглотить свет.

– Удивительно, – только и молвила я. – Вот это новости. Никогда не думала, что такое возможно. Тут все такое странное, необычное. И что они от тебя хотят, те, кто заточил нас? И кто они?

– Они хотят, чтобы я увеличила квоту на рост и распространение их идей, чтобы они получили большее развитие за счет снижения места идей других зон уровня, и, прежде всего, богатого трудового сектора. А это плохо.

Я мало что понимала из рассказанного, это явно отразилось на моём лице. «Феечка» огорчённо опустила голову.

– Извини, не удастся объяснить доходчиво. Понимаешь, мне учиться и учиться, – она говорила расстроенным голосом. – Такая малоопытная, поэтому не заметила, что эти идеи очень агрессивные. Раздумывала, что если они такие активные, то их носителей стоит перебросить в слой, где все занимаются политикой и вопросами власти, но не успела. Меня схватили – и вот я тут.

– Кто схватил-то? Расскажи, наконец! И как тебя звать?

– Зови меня Жиль. Мое полное имя слишком длинное. Так вот, меня схватили «позитивщики» из одного воинственно настроенного течения. Не знаю пока, из какого именно. Но это точно те, которые считают, что «добро должно быть с кулаками». Только у них есть вооружённые подразделения. Чтобы тебе хотя бы частично понять это, придется пару слов сказать о нашем внутреннем мироустройстве. Всего несколько часов на разговоры есть. Видимо, охрана отдыхает. Сейчас у нас время сна, по-вашему – ночь, вот они и ушли, уверенные, что вы сейчас беспомощны или спите.

Она вздохнула и начала рассказывать дальше всякие удивительные вещи.

– Каждый уровень нашего мира живет общей основополагающей идеей. Например, главная идея этого уровня – то, что является действующей движущей силой или базовой жизненной установкой человека. Это сложно понять сразу, все очень приблизительно, особенно на моем уровне с размытыми, непроработанными до конца идеями, вот я и прошлапила угрозу.

Она немного помолчала, посмотрела на мое изумленное лицо и продолжила:

– Условно наш мир разделен на «право» и «лево», «вперед» и «назад». Это разделение существует от сотворения мира. Люди и учителя, что живут «слева», в основном, исповедуют идеи о том, что «Жизнь – это процесс, посредством которого смерть бросает нам вызов. Смерть является действующей силой, жизнь – это арена действия. И всякий раз на этой арене только двое противников: сам человек и его страх смерти». [5] Это, можно сказать, их девиз. Причем страх смерти ставят во главу угла, как движущую силу жизненных устремлений. Многие боятся умереть, так и не успев реализовать себя, то есть выполнить жизненные программы, типа построить дом, посадить дерево, родить сына и другое. И это подстегивает их развитие. Здесь имеется масса учителей и, соответственно, масса школ. Люди, которые живут «направо», считают, что нет смысла задумываться о смерти, нужно жить хорошими мыслями в сегодняшнем дне. Их девиз: «Будьте счастливы здесь и сейчас». Они считают –

счастье и предшественник успеха, и его результат. Большинство обычных людей «справа» живут убежденные в том, что мир в своей основе прекрасен, что в жизни царит справедливость и что они являются хорошими людьми, которые заслуживают соответствующей судьбы. А если у кого возникают проблемы, то учителя учат, что все эти трудности всего лишь у них в голове, и единственное, что им следует поменять, – отношение к этим проблемам. Некоторые учителя вообще доводят идею до абсурда. Типа: «Улыбайся или умри». Но отказаться признавать свое право на грусть, гнев и страх – это не значит избавиться от этих эмоций, поэтому такие люди просто-напросто перестают понимать, что же на самом деле ощущают в той или иной ситуации, постепенно превращаются в рабов оптимизма. Они считают, что с ними не происходит ничего из того, что они сами к себе не притягивают. Конечно, столь абсурдно поведение не всех, многие просто живут, не задумываясь ни о чем, ходят иногда на учебу, но не принимают ничего близко к сердцу.

Я пыталась запомнить как можно больше из рассказа. Все оказалось абсолютно ново для меня. Жиль продолжала:

– В секторе «вперед» у нас обитают трудоголики. Они не причиняли мне никогда проблем. Работают, радуются успехам, а неудачи титанически преодолевают. Труд для них самоцель – и радость, и печаль, и смысл жизни. Девизы их учителей немного сходны: «Когда мы перестаем трудиться – мы перестаем жить», «Когда труд – удовольствие,

жизнь – хороша», «Работа избавляет нас от трех великих зол: скуки, порока, нужды», «Труд облагораживает человека», «Век живи, век трудись», «Трудолюбие – душа всякого дела и залог благосостояния». У них есть деньги, они их зарабатывают, а не мечтают о них, но финансы для этих людей не главное, главное – рабочий процесс. Вот на этих трудяг и жаждут оказать влияние, хотят охватить своими идеями и получить за это деньги. Деньги везде агрессивны, вернее, агрессивны люди, чрезмерно сильно желающие их иметь.

– А на тех, что «назад», они не хотят оказать влияние? – спросила я.

– Вряд ли, они погружены в себя и живут, в основном, небогато, финансовое благополучие для них мало что значит. Многие почти монахи, каждый, понятно, со своими идеями. У одних важнейшим в учении является идея тождества между бытием и страданием, и все виды бытия есть неизбежное несчастье и зло. Поэтому высшая цель – полное прекращение перерождений и достижение нирваны. Жизненный принцип большинства заключается в достижении покоя и душевного равновесия, а нравственным идеалом является отшельник, с помощью специальных упражнений и медитации приобретающий способность преодолевать страсти и желания. Они не станут тратить свое время и силы на бессмысленные попытки изменить мир.

Слушая Жиль, я все хотела понять, кого она любит, кого уважает, кем восхищается в этом странном мире. Сложно

это понять, ой, сложно.

Фея продолжала рассказывать о своих подданных или, как их лучше назвать, подопечными:

– Я говорила уже, что в основе всех войн и революций лежат или денежный интерес, или желание властвовать. А что взять с нищего, и какая власть над теми, кто считает, что эта жизнь – иллюзия, или, что ничегонеделаньем можно выйти из цепи перерождений? И потом, как внушить свои мысли тому, кто вообще не настроен на мыслительный процесс? У нас ведь завоевать надо не землю – ее у нас вдосталь, а сознание человека. Сознание – истинная ценность нашего мира. Оккупируя сознание, можно получить все: власть, деньги, удовольствие. Подчинить себе, научить, а если кто-то сопротивляется – заставить думать так, как того хочешь ты – вот смысл учительства. Нет, большинство учителей нормальные, не агрессивные. Способны только на словесные перебранки, или просто игнорируют, не снисходят до идеологических противников. А вот этих «позитивщиков» я прощелкала, не разглядела проблемы за красивыми фразами.

Жиль опять задумалась, и я чувствовала, просто чувствовала, как она корит себя.

– Я оказалась слишком молодой и слабой, не предотвратила угрозу вовремя. Качалась на своих качелях: туда качнусь немного, сюда, а они, эти «позитивщики», как-то слишком быстро стали популярными, наплодили учителей, и сейчас захотели весь наш уровень охватить своими идеями. А это-

го нельзя допустить. Сильный перевес одной или нескольких идей какого-либо направления чреват последствиями: основание мира на нашем уровне может деформироваться, а так как мы – первый слой, то, в результате, может перекоситься весь мир, – повторила основное опасение.

Помолчав немного, продолжила:

– Когда я разобралась в ситуации, прочувствовала ее, решила замедлить скорость распространения их идей. Но меня схватили, заперли в подвале, браслеты надели, фантазию и доступ к информационным слоям перекрыли. Вот так.

– А как это они смогли действовать так нагло? У тебя ведь, вероятно, и сила, и власть тут, не просто же так? Может, им кто-то помог? И почему тебя никто не защитил? – спросила я. – И при чем тут мы с Котигорошком?

– То, что меня никто не защитил и до сих пор не хватился, правда, очень странно. У наших тонкая связь между собой налажена. Стражники равновесия нашего уровня проживают больше на окраинах, там чаще всего небольшие беспорядки возникают. Мы с ними не теряем друг друга из поля зрения. А раз стражники меня не чувствуют, значит, считают, что со мной все в порядке и это, поверь, очень, очень плохо. Кто-то с огромной силой экранирует информацию. И этот кто-то, вероятно, и помог в организации похищения.

Жиль не на шутку распереживалась. Время от времени она закрывала лицо руками, собираясь опять расплакаться, но потом продолжала:

– Тебе интересно, при чем тут вы? Все просто. Появление принцессы, затем солдат и, наконец, ваше появление в нашем мире – невероятное событие. До сих пор сюда никто не попадал. Непонятно, чего вы хотите. Верховные хранители решили не привлекать к вам внимания, не афишировать ваше появление, а просто понаблюдать, что будете делать. Для учителей вы выглядели, как временно не примкнувшими ни к какому направлению. Им всегда нужны ученики. Когда вы засветились на поле, «позитивщики» не сразу поняли, кто вы такие, потом пожалели, что не затащили сразу к себе. Ты, Крошечка Хаврошечка, сама захотела у одного из них учиться, но жадность их сгубила. А зачем схватили? Похитители знали, кто вы и зачем пожаловали. Они предположили, что вы попытаетесь освободить меня, чтобы я помогла вам попасть на второй уровень. Не найдя принцессу на первом, вы захотите попасть на второй и продолжить поиски там, а для этого нужна я. Только феи могу перенести людей с одного уровня на другой. Об этом мало кто знает, что и удивляет в этой ситуации. Думаю, очень образованный и сильный хранитель замешан в деле.

– Жиль, а где солдаты, что спустились в ваш мир до нас? Они что, уже охвачены каким-нибудь учением? И живы ли вообще?

– А их здесь и не было. Спустившись в наш мир, они сразу мимо моего, первого уровня, пролетели и попали туда, куда их влекло больше всего в их подсознательных устремле-

ниях. Кто-то из них во второй, а кто в третий, один даже в пятый уровень попал. Другие же вовсе решили для себя, что у принцессы амурные дела и нечего рисковать жизнью, разыскивая ее. В общем, нет их здесь – и не было.

«Ничего себе спасатели, а король так надеялся на них», – пронеслось в голове.

– Жиль, если все так серьезно, что будем делать?

– Думаю, надо, прежде всего, каким-то образом снять с Котигорошка браслеты обессиливания и вернуть ему булаву. Тут много от тебя зависит. Как быстро и насколько сильно ты сможешь нафантазировать. Я чувствую в тебе наличие первоначального огня. Откуда он в тебе – не ведаю, но только при его наличии можно научиться подниматься в слои.

– Ой, что-то не понимаю. Поподробнее. Может, браслеты с тебя сначала снимем, и ты так проявишь себя, что ух!

– «Ух» не получится. К сожалению, снять с меня браслеты очень трудно. Я за особой решеткой сижу, и вряд ли ты через нее даже руку просунешь, не то, что сама проникнешь. У тебя и у Котигорошка решетки обычные, так что попытаемся в кратчайшие сроки активно развить твою фантазию и научить расширять сознание.

Меня опять поразили ее слова, хотя после того, что она мне понарассказывала, казалось, куда уж дальше удивляться. Но, видимо, предела в удивлении меня мы ещё не достигли. При чем тут только фантазия и сознание?

Расспросить не успела.

– Быстро ложись и закрывай глаза. Делай вид, что спишь. Слышишь, кто-то решил нас проведать? Будет лучше, если они подумают, что ты еще не пришла в себя.

Я быстро улеглась на прежнее место и закрыла глаза. Кто-то спускался, довольно громко стуча подошвами. Похоже, опять двое. Вскоре почувствовала, что эти кто-то остановились возле моей камеры и смотрят на меня. Даже сквозь ресницы постаралась не подсматривать. Вдруг заметят, что не сплю, и решат увести куда-нибудь на разговор, а мне очень этого не хотелось. Они не молчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.